

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО
МОСКОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ**

РУССКАЯ СТАРИНА

Исторические и историософские статьи

**Москва
«Сибирский цирюльник»
2011**

Составитель: *Д. Володихин*
Художник: *М. Тренихин*
Верстка: *Л. Харченко*

Русская старина. Исторические и историко-софские статьи. – М.: «Сибирский цирюльник», 2011. – 86 с. Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-9900042-7-6

Историко-культурное общество «Московские древности» возникло в 2009 году. Его целью стало изучение истории и культуры Москвы. В фокусе исследовательских усилий членов общества оказались такие темы, как благотворительность и меценатство, купечество времен поздней Империи, судьбы Церкви. Статьи, вошедшие в этот сборник, объединяются названными темами и принадлежат перу членов Общества, либо авторов, сочувствующих его исследовательской программе.

© А. Богомазова, Д. Володихин,
Е. Зайцева, А. Казаков, И. Кошелева,
К. Плотников, Х. Рустанович,
М. Тренихин, В. Туева, И. Чижова

ISBN 978-5-9900042-6-9

Александр Казаков

НЕБЕСНОЕ И ЗЕМНОЕ. ПРЕПОДОБНЫЙ ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ И ПРАВИТЕЛИ РУСИ

Рубеж XV и XVI столетий – время для Руси благодатное. Собранная воедино великая страна, наследница павшей в 1453 году Византии, хранительница веры православной, крепимая силой и волей своих государей – это и есть Русская держава того времени. И, конечно, рука об руку с государством и народом русским в новую эпоху шествовала Русская церковь. Однако чем могущественней становились князья московские, тем сильнее было их желание говорить с Церковью, с её первоиерархами, отнюдь не на равных. Это и понятно: нередко действия властителей шли вразрез с Заповедями, вызывая порицание владык и клира. Поэтому-то Иван III и сын его Василий III старались максимально подчинить Церковь своей воле, используя её авторитет ради решения мирских, политических задач. В церковной среде такое положение дел нравилось не всем, ибо оно далеко отстояло от христианского идеала симфонии земного и небесного. А самые мудрые сыны церкви пытались найти более совершенные пути взаимодействия государства и Церкви. И не просто искали их, но и находили, и в соответствии с ними жили.

К числу таких людей принадлежал и преподобный Иосиф Волоцкий.

Об этом талантливом человеке написано и сказано столь много, что, казалось бы, прибавлять что-либо новое совершенно излишне. Однако его жизнь, его подвиги, его труды и идеи столь многогранны и притягательны! Тем более, отношения Иосифа Волоцкого с князьями, великими и удельными, обыкновенно либо оставляют в стороне, либо делают основой для неуместного вывода, что был-де Иосиф сторонником подчинения Церкви государству. Вывод этот грешит против истины, – истины, которая сосредоточилась в судьбе самого преподобного. И чтобы хоть чуть-чуть приоткрыть её, право, стоит внимательнее приглядеться к жизненному пути Иосифа Волоцкого.

Преподобный Иосиф, в миру Иоанн, происходил из рода служилых людей Саниных Волоколамского уезда. В одном из сел которого, Язвище-Покровском, он и появился на свет 14 ноября 1440 года. С юных лет Иоанн проявлял стремление к монашеской жизни. Результатом его духовных поисков стал постриг в обители старца Пафнутия близ Боровска в 1460 году. К тому времени обитель эта получила широкую известность на Руси, а сам игумен Пафнутий был близок московской великокняжеской фамилии. Поэтому после смерти Пафнутия Боровского поставление нового игумена, которым был избран Иосиф, происходило в Москве; инок Иосиф принял игуменство и иерейский чин от самого митрополита Геронтия. Однако пробыл на игуменстве в Боровском монастыре Иосиф недолго: через какое-то время с ближайшими последователями он тайно покинул обитель. Причины столь необычного шага не до конца понятны: возможно, случились нестроения

среди братии. Но вероятнее, что Иосиф не смог поладить с могущественным покровителем Боровского монастыря – Иваном III. В своем послании, написанном вскоре в Пафнутьев монастырь, Иосиф упоминает, что принял игуменство лишь волею великого князя, с которым у него вскоре вышел спор. Что именно не поделили великий князь и игумен, в чем не сошлись – остается неясным. Однако уже такое деяние, как оставление игуменства, на которое был поставлен самим московским государем, характеризует Иосифа Санина как человека, весьма независимого к переменчивым настроениям светской власти.

Покинув боровские приделы, Иосиф с учениками отошел в Кирилло-Белозерскую обитель, и, пробыв там некоторое время, пришел к мысли об основании собственного монастыря. Однако пойти на такой шаг во владениях великого князя московского он не смел, памятуя о том, как складывались его отношения с Иваном III. И тогда Иосиф отправился в Волоцкий уезд, бывший вотчиной удельного князя Бориса Васильевича, брата Ивана III. Нарочно или нет, но момент для обращения с просьбой об устройстве монастыря к Борису Волоцкому был выбран как нельзя более удачно. Как раз в то время, в 1479 году, князь Борис вкупе со своим братом Андреем предпринял выступление против великого князя, задумав перейти со своими владениями к Литве. В подобной обстановке Борис Васильевич не мог отказать опальному игумену в его просьбе, и вскоре в лесах близ Волоколамска был заложен Успенский Волоцкий монастырь. Отношения преподобного Иосифа и удельного князя можно назвать идиллическими: князь, чем мог, помогал строящейся обители, при этом не вступался ни в какие монастырские дела. Даже когда кто-то из его приближенных, убоявшись

князьего гнева, находил пристанище в стенах Иосифовой обители, князь Борис оставался безучастным к их дальнейшей судьбе. Так случилось, например, с воспитателем детей Бориса Ионой Главой, который, найдя пристанище у отца Иосифа, вскоре принял постриг и стал одним из самых приближенных к волоцкому игумену старцев.

Безвыездно пребывая в Волоцком уделе, преподобный Иосиф не оставлял своим вниманием событий, происходивших на Москве. А к концу 80-х годов XV столетия там стали твориться странные вещи... Великий князь Иван Васильевич принялся оказывать покровительство последователям ереси «жидовствующих». Появившись в 1471 году в Новгороде, вскоре расползлась она по всей Руси как сорная трава. Дошло до того, что некие дьяки «от царских палат», ни мало не смущаясь, открыто высказывали свои пагубные идеи. Иван III снисходительно смотрел на все это. Лишь святитель Геннадий Новгородский выступал против еретиков, обосновавшихся вокруг великокняжеского стола. В Иосифе Волоцком святитель Геннадий нашел себе верного соратника.

Конечно, выступая против «жидовствующих», волоцкий игумен не мог обойти вниманием то, что творится при дворе великого князя. Правда, он не обвинял Ивана III в ереси открыто, видимо, не имея на то достаточно оснований. Но глядя на поведение великого князя, преподобный Иосиф высказал мысли, которые как нельзя лучше донесли истинно христианское отношение к несправедливой власти. В седьмом Слове «Просветителя», главного творения игумена волоцкого против еретиков, он пишет помимо прочего и о том, «как... подобает почитать царя или князя и служить ему».

«Если ты поклоняешься или служишь царю, или князю, или начальствующему, – указывает преподобный Иосиф, – то

следует поклоняться и служить потому, что это угодно Богу – оказывать властям покорность и послушание, ведь они пекутся и думают о нас». Но «если же некий царь царствует над людьми, но над ним самим царствуют скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправда, гордость и ярость, злее же всего – неверие и хула, – такой царь не Божий слуга, но диаволов, и не царь, но мучитель... И ты не слушай такого царя или князя, склоняющего тебя к нечестию или лукавству, даже если он будет мучить тебя или угрожать смертью». На первый взгляд, в этом нет ничего неожиданного: простая мысль, подтвержденная опытом христианского мученичества. Но в условиях борьбы с ересью она наполняется особым смыслом, ведь как христианин великий князь московский сам оказался недалек от того, чтобы впасть в неверие и хулу...

Постепенно ересь была побеждена, и не в последнюю очередь благодаря заслугам Иосифа. Великий же князь Иван III Васильевич незадолго до смерти своей в 1505 году поступил истинно по-христиански: попросил прощение у преподобного за все худое, что некогда было между ними.

Казалось бы, победа над ересью, примирение преподобного Иосифа с великокняжеской властью означили для волоцкого игумена и его обители спокойное существование. Но вместо этого Иосиф оказался втянут в грандиозный конфликт – на этот раз с удельным волоцким князем Федором Борисовичем, сыном покровителя Иосифовой обители Бориса Васильевича. Последний скончался еще на исходе XV столетия, оставив по себе двух сыновей Федора и Ивана, вдовую княгиню Ульяну и добрую память своих подданных.

Князь Федор по духовной грамоте отца получил Волоколамск с уездом, а его младший брат Иван – Рузу

с окрестностями. О Федоре Борисовиче известно немного, но и то, что известно, свидетельствует не в его пользу. Федор сызмальства отличался необузданным нравом. Некогда, в приступе ярости, он прикусил себе язык и остался заикой. Получив в 1503 году после женитьбы реальную власть в Волоцком уделе, молодой князь «тяжек устроился к сущему в области его народному множеству».

«Князь Федор Борисович, – писал о нем преп. Иосиф, – ни Бога не боится, ни людей не стыдится. После отца своего положил начало княжению своему. Сперва начал грабить монастыри свои все... И христиан пошел грабить городских и сельских, начав княжить, не только богатых, но и убогих, и вдовиц, и черниц». Вскоре Федор обратил ненасытные взоры свои и к Иосифовой обители; как отмечал волоцкий игумен, «что Бог пошлет нам, в том воли не даст, иное даром просит, а иное за полцены берет... И мы боялись его, давали ему, что бы ни жаловали монастырю, коней, доспехи, платье, а он то брал, как хотел». В конце концов, устав от алчности Федора Борисовича, преподобный обратил свои взоры к Москве: не может ли взять его обитель великий князь Василий Иванович под свое покровительство, принять в свое великое княжение? Так и случилось. Василий III не преминул воспользоваться просьбой Иосифа, чтобы нанести существенный удар по удельному Волоколамску и его недалекому князю.

Однако уязвленный Федор Борисович не собирался сдаваться и послал к Серапиону, архиепископу Новгородскому, напомнив ему, что перешел Иосиф с монастырем из Новгородской архиепископии в Московскую митрополию, не испросив прежде благословения своего архиерея. Святитель Серапион, толком не рассудив, что к чему,

послал Иосифу неблагословенную грамоту, запретив богослужения в обители до окончательного расследования. Иосифу Волоцкому не оставалось ничего иного, как вновь обратиться к Москве. На Москве же и великий князь, и архиерейский собор встали на защиту волоцкого игумена. Серапион был лишен архиерейского чина и отправлен в Спасо-Андроников, а затем Троице-Сергиев монастырь. История эта наделала много шума, который долго не утихал, и нанесла серьезный удар по Иосифу Волоцкому. Именно его современники полагали виновником развернувшейся драмы, имевшей для Серапиона трагические последствия. Иосиф вынужден был как мог оправдываться, указывая на недопустимое поведение опального архиепископа – в том числе и на соборном суде. В частности, преподабный осуждал поведение Серапиона, который великому князю «борзо отвечал». «А Божественные правила, – замечал Иосиф, – повелевают царя почитать».

Но вскоре отношение Василия III к Иосифу Волоцкому изменилось, и отнюдь не в лучшую сторону. При дворе московского князя появился инок Вассиан Патрикеев, которого современники звали не иначе как «великим временным человеком», т.е. временщиком при дворе Василия Ивановича. Личность его примечательна: происходивший из старинного рода, Вассиан – тогда еще князь Василий Иванович Патрикеев – был весьма близок к Ивану III, занимая при его дворе высокие должности. Однако в 1499 году он попал в опалу и был насильно пострижен в монахи Кирилло-Белозерской обители. Там бывший аристократ сблизился со старцем Нилом Сорским, известным аскетом и подвижником своего времени. Но после кончины мудрого духовного учителя Вассиан оставляет его пустыньку и перебирается

в Москву, в Симонов монастырь. Князь-инок всегда стремился подчеркнуть свою близость к прославленному старцу, называя себя едва ли не приемником преподобного Нила. Однако оставление Вассианом пустынножительства – главного идеала старца Нила – ради суетной придворной жизни говорит, скорее, об обратном...

С начала 1520-х годов Вассиан начинает выступать против Иосифа, обвиняя последнего в жестокости к еретикам, неблагоприятном отношении к Серапиону Новгородскому, несправедливом стяжательстве. И слова Вассиана находят отклик среди многих, к ним прислушивается и сам Василий III. Попытки Иосифа отвести обвинения заканчиваются тем, что великий князь запрещает ему писать против Вассиана.

В таких условиях происходит постепенное сближение игумена и иноков Волоцкого монастыря с братом Василия III, дмитровским удельным князем Юрием Ивановичем. Князь Юрий, будучи всего на год моложе старшего брата, слыл весьма деятельным человеком, мечтавшим отнюдь не об удельном княжении в Дмитрове. Длительное отсутствие наследников у великого князя только подогревало амбиции Юрия Ивановича. Недаром вступивший с Юрием в переписку преподобный Иосиф, обращаясь к князю, заметил, что тот живет «посреди сетей многих и посреди огня ходит». Напомнил ему Иосиф, что лишь тот угоден Богу, кто «от сердца подает любовь богодарованному царю нашему, воздавая ему должное покорение, послушание и благодарение, и служащего ему по воле его и велению его». Видно, не очень слушал князь Юрий Иосифовы наставления, ибо вскоре ввязался в серьезную распрю со старшим братом. Василий III велел поймать его и посадить в заточение.

Юрий Иванович в 1510 году тайно прибыл в Волоцкую обитель, прося преподобного Иосифа быть ходатаем за него перед великим князем. С Волока в Москву отправилась делегация старцев, которую на Москве встретили не слишком ласково. Василий Иванович, видно, уже разузнавший о цели визита иноков, «воззрел на них яро и спросил: зачем пожаловали, в чем дело». Старцы не растерялись, отвечали князю, что не подобает православному государю так обходиться со своим просителями. Василий Иванович, несколько смягчившись, выслушал просьбу волоцких ходатаев и снял с брата опалу. Юрий же Иванович не остался в долгу перед Иосифом с братией, пожаловав Волоцкому монастырю большое село Белково с деревнями.

Последний эпизод, характеризующий отношения Иосифа Волоцкого с великим князем московским, случился незадолго до смерти прославленного игумена. В феврале 1515 года Василий III самолично прибыл на Волок и, застав преподобного Иосифа в предсмертной болезни, распорядился назначить ему преемника, которым стал инок Даниил Рязанец, будущий митрополит Московский. Сделано это было, скорее всего, в обход воли самого Иосифа Волоцкого, никогда не называвшего имени Даниила как своего преемника. Но перечить «державному» Иосиф не пожелал. А спустя полгода великий волоцкий подвижник ушел в вечность. Случилось это 9 сентября 1515 года.

Жизненный путь Иосифа Волоцкого не был легок, однако он ни разу не свернул с намеченного направления. Приходилось ему не раз и не два вступать в столкновения с властью предрержащими. Но отдавая им должное как правителям, Иосиф не забывал напоминать им и о верном отношении к подданным, отношении, которое, как полагал он сам, должно основываться на милости.

«Богу – Богово, кесарю – кесарево» – эта незамысловатая христианская истина раскрывалась в многотрудных подвигах волоцкого игумена. Вместе с тем, он был суров с неприятелями православия, независимо от их положения в обществе. Царь, который, по Иосифову учению, суть страж последнего православного царства, не должен быть неправеден, ибо тогда не только не сможет охранять царства своего, но и наоборот грехами своими навлечет гнев Божий, предаст врученное ему царство разрушению. Идеи, высказанные Иосифом, не были преданы забвению, и кто знает, не в них ли находил поддержку святитель Филипп, поднявший свой голос против свирепства Ивана Грозного полвека спустя?

Тем более не следует забывать об опыте Иосифа Волоцкого нашему современнику, искушаемому злобой дня сегодняшнего.

Дмитрий Володихин

КТО БЫЛ ОСНОВАТЕЛЕМ ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ?

Русские летописи и другие исторические сочинения допетровской России называют основателем Донской обители в Москве царя Федора Ивановича. Тамошние монахи с благоговением чтят его память. Но эта версия – не единственная.

Источник XVII столетия донес иной вариант происхождения Донского собора, ставшего ядром для нового монастыря. Дьяк Иван Тимофеев в своем «Временнике» приписал его создание Борису Годунову, действовавшему из корыстных побуждений: «...честолюбивый (Борис) под видом веры, ради явленного тогда Богом истинного чуда, на обозном месте, где стояло православное ополчение всего войска, построил новый каменный храм во имя Пресвятой Богородицы, по названию Донской, и устроил при нем монастырь, по виду ради богоугодного дела, а по правде – из-за своего безмерного тщеславия, чтобы прославить победой свое имя в (будущих) поколениях. Как в других подобных (поступках) он понят был, так и в этих, потому что на стенах (храма) красками, как в летописи, – что приличествовало лишь святым, изобразил подобие своего образа. В этом его скрытом лукавстве из лести послужили ему в нужное время святители из духовенства:

их сокровенные (побуждения) и лесть, и лукавство обнаружилась потом наставшими временами. После построения и освящения церкви и после устройства монастыря он назначил в годовом круге определенный день, в который совершилось то победоносное и святое происшествие, и указал первосвятителю установить и узаконить обязательное хождение туда с крестным ходом и с честными хоругвями из года в год, как в настоящее время, так и в следующие года».

Прав ли дьяк?

«Временник» Ивана Тимофеева переполнен нападками на Бориса Федоровича. Тот, разумеется, не был ангелом, и с врагами своими проявлял жестокость, и семье своей добывал блага за счет государства. Однако отзывы Ивана Тимофеева столь эмоциональны, что порой из них исчезает всякая объективность. Распаляясь злостью на «слугу и конюшего боярина», дьяк написал вещи странные и ни с чем не сообразные: как, например, можно построить храм «по виду ради богоугодного дела»? Возведение новой церкви – в любом случае богоугодное дело, какими бы мотивами ни руководствовался тот, кто взялся за подобный труд.

Годунов ли на самом деле инициировал строительство? Сомнительно. Иван Тимофеев – современник Годунова, но далеко не тот человек, который мог быть хорошо осведомлен во всех тонкостях дворцовой и, тем более, высшей церковной политики. Он даже среди дьяков не попал по чести в первую десятку и уж подавно не входил в Думу... Видя роспись Донского собора, восхваляющую православное воинство, Иван Тимофеев узнает среди ратных людей Бориса Годунова – а конюший (первый вельможа, фактически соправитель царя Федора Ивановича) был достаточно тщеславен, чтобы потребовать у живописцев

подобной услуги, – и интерпретирует увиденное преувеличенно. Иными словами, не только настенное изображение Годунова, но и весь собор объявляет плодом деятельности Бориса Федоровича.

В действительности же, полагаться на версию Ивана Тимофеева нельзя.

Столь скрупулезный, когда речь заходит о заказчиках архитектурных проектов, памятник, как Пискаревский летописец, четко отделяет храмы, возведенные по воле Годуновых и с позволения царя от собственно царских построек. В нем инициатором строительства Донского собора однозначно назван царь Федор Иванович, а не кто-либо из Годуновых. Патриарх Иов, весьма благосклонный к Борису Федоровичу и не пропускающий случая похвалить его, опять-таки, ясно говорит о решении, исходившем от государя Федора Ивановича. К тому же, вся богатая строительная деятельность Годуновых не знает примера, когда они основывали новый монастырь и давали средства для строительства «с нуля». Годуновы, бывало, оплачивали строительные затеи в уже существующих обителях (хотя гораздо чаще возводили храмы вне монастырских стен), но создавать новые не пытались. А вот Федор Иванович возобновил Зачатьевский монастырь, да и в целом проявлял необыкновенную щедрость в отношении русского иночества, много строил именно для него. Наконец, Москва знает как минимум еще одну «мемориальную» церковь, связанную с отражением Казы-Гирея в 1591 году. Это храм Происхождения честных древ Животворящего Креста Христова в Симоновом монастыре (1593), возведенный по обету царем Федором Ивановичем. Создание его никто не связывает с деятельностью Годуновых, между тем, резонно было бы говорить об однотипности подобного

«благодарственного» строительства. Если относительно скромный храм в Симоновой обители обязан своим появлением воле государевой, то почему более значительную постройку, возведенную по тому же поводу, следует связывать с волей Бориса Федоровича Годунова?

Итог: основание Донского монастыря государем Федором Ивановичем значительно более вероятно, чем создание этой обители Б.Ф. Годуновым. Однако влияние Бориса Федоровича на стенную роспись Донского собора нет смысла отрицать. Власти же, чтобы прославить себя фрескою на храмовой стене, у Б.Ф. Годунова хватало.

Екатерина Зайцева

КЛАДОВАЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ: НЕКРОПОЛЬ ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ

На исходе XVI столетия, при государе Федоре Ивановиче, появилась Донская обитель. Первые десятилетия она оставалась скромной по размерам и по «чести» – среди прочих столичных монастырей. Но позднее обретет великую славу и почитание.

Ныне, неподалеку от метро Шаболовская, у стен монастырских церквей, раскинулось Донское кладбище. Оно делится на «Старое» и «Новое». Первое находится на территории обители. Второе примыкает к южной стене монастыря. Здесь само время застыло на каменных плитах, превратившись в сокровище, в клад, который способен обогатить... но только духовно.

На Новом кладбище похоронены наши разведчики-нелегалы, которые никогда не надевали свою военную форму и почти никогда не носили боевые награды: Конон Молодый (Гордон Лонсдейл), Иосиф Григулевич (Артур, Макс, Мигель, Падре, Фелине, литературный псевдоним: Лаврецкий), Павел Громушкин (проработал в Службе внешней разведки от Ежова до Андропова)... На многих надгробиях нет ничего, кроме имени, да и то, зачастую, вымышленного.

Хотя есть и исключения. Знаменитый советский разведчик Вильям Генрихович Фишер, позаимствовавший имя и биографию своего покойного друга Рудольфа Ивановича Абеля, похоронен здесь под своим именем, вместе со своей женой Еленой Степановной и их дочерью Эвелиной. В течение многих лет Абель не видел своих родных, и есть какая-то горькая ирония в том, что только после смерти он воссоединился с семьёй и вернул себе своё настоящее имя. Здесь же покоятся гроссмейстеры тайных операций генералы госбезопасности Наум Эйтингон и Павел Судоплатов: и тот и другой побывали и в роли палача и в роли жертвы. В 1927 году на территории Нового кладбища был открыт первый в Москве крематорий и колумбарий (лат. columbarium, первоначальное значение – голубятня, от columba – голубь) – хранилище урн с прахом после кремации. В 1930–1950 годах в печи крематория по ночам сжигали тела репрессированных, а пепел хоронили в братских могилах. На Новом кладбище есть три братских могилы, где прах жертв Большого террора перемешался с прахом их палачей. В этих некогда безымянных могилах после тайной кремации нашли упокоился прах маршалов Советского Союза Василия Блюхера, Михаила Тухачевского, Александра Егорова, Григория Кулика. И сюда же высыпали кремационный пепел Ягоды, Ежова, Берии... Сегодня на территории кладбища более 22 колумбариев. Причём множество ниш заброшены, там нет поминальных досок и разбиты урны. Это, скорее всего, значит, что род прервался, и некому приходиться, чтобы помянуть, или родственники эмигрировали из России, а потомки уже не вернулись. И больно сжимается сердце при виде забытых, никому не нужных урн, на многих из которых наклеено: «Срочно обратиться в администрацию кладбища».

Покидаешь Новое кладбище,ходишь на территорию Донского монастыря – и как будто попадаешь в другую эпоху.

*Листопад в монастыре,
Вот и осень, – здравствуй.
Спит в Донском монастыре
Русское дворянство.*

Старое Донское кладбище возникло в конце XVI века на территории монастыря. Оно простирается от Михайловской церкви до Большого и Малого собора и, далее, в юго-восточную часть монастыря. На Старом кладбище похоронены многие общественные деятели: И.И. Дмитриев, А.А. Щербатов, П.Д. Киселёв, И.А. Алексеев, П.А. Демидов; писатели и поэты: А.П. Сумароков, В.Ф. Одоевский, М.М. Херасков, В.А. Соллогуб, И.М. Долгоруков, В.Л. Пушкин, В.И. Майков, П.Я. Чаадаев; архитекторы, когда-то преобразившие в облик Москвы: В.И. Шервуд, О.И. Бове, П.Д. Барановский; известные историки: В.О. Ключевский, Д.Н. Бантыш-Каменский; художник-передвижник В.Г. Перов; основоположник русской авиации Н.Г. Жуковский.

При входе в некрополь на отдельном постаменте лежат фрагменты памятников, мраморных крестов, горельефов – подлинные кусочки исторической памяти. Уже не читаются надписи, и лиц не разобрать, но от того-то так остро и чувствуешь их особую, почти сакральную ценность.

В старину, при жизни Карамзина, Пушкина и Лермонтова, подробные эпитафии с перечислением чинов и заслуг считались пошлыми и чуть ли не вульгарными. Теперь же они стали своеобразной приметой времени, благодаря которой

у сегодняшнего поколения есть шанс узнать и эту сторону истории своего Отечества.

Например, надпись на памятнике генерал-аншефу и сенатору: «Здесь погребено тело Фёдора Ивановича Глебова-Стрешнева. Родился 31 декабря 1734 и с самого юного возраста вступя в службу, продолжал её с лишком 50 лет, как в армии, так и в штатской службе, быв сенатором, всегда с честью имени своему, везде в пользу Отечества; оставил оную генерал-аншефом, кавалером орденов св. Александра Невского, св. Анны, Белого Орла и св. Станислава. Преставился 29 ноября 1799 в 6 ч. 30 м. пополудни не дожив до исполнения 65 лет одного месяца, 2 дней. Жизнь его была образец лучшая нравственности. Он кротостию правил своих показал себя во всяком отношении к ближним истинно честным и благородным человеком. Оплакивающие навек столь чувствительную и поразительную для себя потерю, супруга его и дети, сыновния любви исполненные, воздвигли сей памятник над гробом его в достойное прославление изящных свойств его и засвидетельствования горячности к нему». Целое жизнеописание с точностью до минуты смерти уместилось на одной небольшой табличке. Так, чтобы любой прохожий, остановившись, прочёл и узнал, что был такой человек и чему посвятил он свою жизнь. Рядом на памятниках жене и сыновьям - такие же обстоятельные эпитафии. Из которых мы узнаём, что жена Фёдора Ивановича статс- и кавалерственная дама Елизавета Петровна Глебова-Стрешнева прожила 86 лет, 9 месяцев и 13 дней, пережив и мужа и обоих сыновей. Елизавета Петровна была последней представительницей знатного дворянского и боярского рода Стрешневых: на Евдокии Стрешневой был женат царь Михаил Фёдорович. Сыну Елизаветы Петровны, Петру Фёдоровичу, дабы

этот род не пресёкся, было разрешено в 1803 году именоваться Глебовым-Стрешневым. А соответственно сыну Петра Фёдоровича дозволили, из-за отсутствия у него прямых наследников, передать фамилию и герб мужу своей племянницы, ротмистру князю Михаилу Шаховскому. Один старший в роде мог именоваться князем Шаховским-Глебовым-Стрешневым. В прежние времена фамилия значила гораздо больше, нежели сегодня. Фактически сохранить фамилию значило сохранить род.

В черновом наброске А.С. Пушкина 1830-го года читаем:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как [без оазиса] пустыня
И как алтарь без божества.*

В «городе мёртвых» при Донской обители – множество семейных захоронений. Так что можно проследить историю целого рода, лишь прочитав эпитафии. Знаменитые дворянские семьи покоятся на территории Донского монастыря: Глебовы-Стрешневы, Киселёвы, Дмитриевы-Мамоновы, Голицыны, Горчаковы.

Справа от могилы писателя и поэта Владимира Александровича Соллогуба – захоронения семьи Дмитриевых-Мамоновых. Граф Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов являлся генерал-адъютантом и фаворитом императрицы Екатерины II. Граф гордился своим родством с убитым в Угличе

царевичем Дмитрием. Его супруга, урождённая княжна Дарья Фёдоровна Щербатова, была фрейлиной Екатерины II, а позже сыграла роль её счастливой соперницы. Императрица проявила редкое великодушие: сама обручила графа и княжну, пожаловала Александру Матвеевичу в качестве свадебного подарка баснословную для той эпохи сумму 100 тысяч рублей и 2.250 крепостных душ. За своё семейное счастье чета Дмитриевых-Мамоновых заплатила отлучением от двора, о чём граф не переставал сожалеть до конца своих дней. Зато у него родилось четверо детей: Матвей, Фёдор, Анна и Мария. Но, к сожалению, семенное счастье дворянской четы оказалось недолгим: рано умирают Фёдор и Анна, а в 1801 году скончалась и их мать. Александр Матвеевич переживет свою жену всего лишь на два года.

Самый известный в роду – генерал-майор граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов родился 14 сентября 1790 года. В 1807 году он получил чин камер-юнкера, а в 1811 году стал обер-прокурором Московского департамента Сената. Наступил 1812-й год. Граф Мамонов объявил, что до окончания боевых действий он будет тратить на военные нужды все свои доходы, оставляя на личные издержки лишь 10 тысяч рублей ежегодно. Царь предложил ему сформировать конный полк. 29 июля 1812 года М.А. Дмитриева-Мамонова зачислили на военную службу, а в августе вельможа начал формировать казачий полк – частью из своих крепостных крестьян, частью же из добровольцев.

1-й Московский казачий полк так и не принял участия в боевых действиях. Его казаки имели дурную репутацию: их звали «мамаевцами». В итоге, полк расформировали. Зато в Бородинском, Тарутинском и Малоярославецком сражениях отличился его создатель, за что и был пожалован

золотой саблей с надписью «За храбрость», а также орденами св. Владимира 4-й степени и св. Анны 2-й степени. Совместно с Михаилом Фёдоровичем Орловым Матвей Александрович основал одну из первых преддекабристских организаций – тайное общество «Орден русских рыцарей», который довольно быстро распался. Позже граф стал членом «Союза благоденствия». В 1825 году графа арестовали, официально признали безумным и подвергли принудительному лечению. Его имущество взяли в опеку. Остаток дней граф прожил затворником, не оставив ни наследников, ни завещания. В 1863 году он умер страшной смертью – от ожогов: случайно загорелась смоченная одеколоном рубашка. Погребли графа Дмитриева-Мамонова, одного из прототипов Пьера Безухова в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», в Донском монастыре, рядом с его родней.

Среди поросших мхом, покосившихся от времени надгробий высится недавно отреставрированный памятник генералу от инфантерии графу Павлу Дмитриевичу Киселёву – флигель-адъютанту и генерал-адъютанту императора Александра I, участнику Бородинской битвы, министру государственных имуществ и послу в Париже. В Александровскую эпоху он являлся начальником Главного штаба 2-й армии, доблестно бившейся с французами. После русско-турецкой войны 1828–1829 годов ему было поручено управление Дунайскими княжествами – Молдавией и Валахией. Павел Дмитриевич Киселёв был всегда успешен во всём, что касалось службы. А он при этом отчаянно жаждал простого семейного счастья. В 1821 году Киселёв женился на Софии Станиславовне Потоцкой. 5 лет они прожили в счастливом браке, у них родился сын Владимир. Сын вскоре умер, а в 1831 году политические события – польское восстание – до конца

разрушили идиллию семейной жизни. Обвенчавшись с женой и по православному и по католическому обряду, Киселёв не мог развестись. Позже у графа появилась другая жена, как тогда говорили, «с левой стороны». Её он не имел права представить обществу, а детям (их было трое), он не мог дать своё имя. Это навсегда стало для него неизбывной болью, о которой знали только самые близкие люди.

Ныне, после реставрации, настоящий мраморный мавзолей, где вместе с графом Киселёвым похоронены его родители и брат, несмотря на всю его белизну и внушительность, в одночасье выпал из контекста своей эпохи и воспринимается как новодел. Смотришь на обновлённый монумент, и возникает ощущение дисгармонии с царящей здесь атмосферой подлинности. Кажется, что теряется связь с прошлым. «Но это такой недостаток, который само время будет постепенно исправлять. Впрочем, и старая мраморная облицовка теперь очищается и принимает более свежий вид», – так ещё в сентябре 1889 года написал граф Дмитрий Алексеевич Милютин, военный министр эпохи «Великих реформ» и племянник Киселёва. Именно Милютин, в своё время, занимался установкой этого мраморного монумента.

Рядом с памятником Киселёву сегодня находится надгробие незаурядной женщине, прожившей заурядную жизнь. Это Александра Осиповна Смирнова, в девичестве Россети (Россет). О происхождении её отца в формулярном списке сказано кратко: «из швейцарской нации». Иосиф (Осип) Россети был ветераном одной из русско-турецких войн: за штурм Очакова, по представлению князя Потёмкина, его наградили орденом св. Владимира 4-й степени, а за взятие Измаила, по реляции самого графа Суворова, он получил орден св. Георгия 4-й степени. Окончив Петербургский

Екатерининский институт, Александра Осиповна стала фрейлиной при царском дворе. Привлекательная, умная, с «острым язычком» она оказалась одной из любимых фрейлин вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и царствующей императрицы Александры Фёдоровны. «Черноокою Россети» очень ценил император Николай Павлович, её обществом дорожил его августейший брат великий князь Михаил Павлович. Незаурядная, начитанная, прекрасно знающая русский язык девушка, в то же время остроумная и лёгкая в общении, умела привлекать сердца. Среди её поклонников было множество талантливых и незаурядных людей.

Ей посвящали стихи Пушкин, Вяземский, Жуковский, Лермонтов. Семья фрейлины находилась в крайне бедственном материальном положении и чтобы это исправить Александра Осиповна по расчёту вышла замуж за Николая Михайловича Смирнова, чиновника Министерства иностранных дел, калужского, а впоследствии и петербургского губернатора (1832). Она никогда не любила мужа, хотя и прожила с ним всю жизнь. «Вдова тайного советника» – так написано на её могиле.

Александра Осиповна прославилась как прекрасная мемуаристка, оставив, по совету Пушкина, записки, где «шутки злости самой чёрной писала прямо набело». Её мемуарное наследие опубликовали в 1989 году.

Особыми табличками с профилем поэта выделены надгробия тех, кто лично был знаком с А.С. Пушкиным. Например, помещик Серпуховского уезда Московской губернии, профессиональный игрок Василий Семёнович Огонь-Догановский: «Знакомый поэта, родовитый дворянин, А.С. Пушкин неоднократно бывал в его доме и вывел его под именем Чекалинского в “Пиковой даме”». Действительно, это о нём у Александра

Сергеевича сказано: «В Москве составилось общество богатых игроков, под председательством славного Чекалинского, проведшего весь век за карточным столом и нажившего некогда миллионы, выигрывая векселя и проигрывая чистые деньги. Долговременная опытность заслужила ему доверенность товарищей, а открытый дом, славный повар, ласковость и весёлость приобрели уважение публики».

Помимо семейных захоронений дворян в Донском монастыре погребены новые «хозяева жизни» середины и конца XIX века – московские купцы. На помпезных памятниках из полированного чёрного и розового гранита высечено: «Московский купец Мирон Назарович Соковъ, скончался 14-го сентября 1873 года в 11 часов 20 минут утра, на 57 году. Тезаименитство его 17 августа». Рядом лежит, по всей видимости, его жена: «Наталия Антоновна Сокова скончалась 14 июня 1890 года на 67 году»; или «под сим камнем погребено тело московского купца Василия Сергеевича Пирогова. Родился 1812 года марта 12-го дня, скончался 1880 года июня 25-го дня. Жития его было 68 лет». Эти вычурные и громоздкие монументы, сродни современным памятникам так называемых новых русских, привлекают внимание грубой роскошью, массивностью. Ведь даже уходя в последний путь, новые хозяева жизни хотели продемонстрировать свою состоятельность.

У восточной стены монастыря сохранились подлинные горельефы, снятые с храма Христа Спасителя, и тем самым спасённые от уничтожения во время строительства на его месте безбожного «храма» – Дворца Советов. Среди сохранившихся горельефов – «Дмитрий Донской перед Сергием Радонежским» работы скульптора А.В. Логановского. Он является своеобразной иллюстрацией предыстории Донского

монастыря. Известно, что своё название монастырь получил в честь Донской иконы Божьей Матери, чудесным образом избавившей Москву от войска хана Казы-Гирея. Согласно старинному преданию, этой иконой Сергей Радонежский благословил войско великого князя Дмитрия на Куликовскую битву. Благодаря заступничеству Пресвятой Богородицы орды Казы-Гирея бежали от стен города.

Чтобы увидеть подлинную историю мы идём в библиотеку, музей, на выставку, однако ещё один способ узнать новости о прошлом – прогулка по памятным местам. Некрополь Донского монастыря как раз и является подобным местом. В центре шумной Москвы сохранился умиротворяющий, чистый уголок истории, о котором поэт-бард Александр Городницкий писал:

*Под бессонною Москвой,
Под зелёною травой
Спит – и нас не судит
Век, что век закончил свой
Без войны без мировой,
Без вселенских сует.*

Ирина Кошелева

«Я БЕЗ ДЕНЕГ ЖИТЬ НЕ МОГУ»: О ДОЛГАХ И ДОХОДАХ ПУШКИНА

1817-й год. Восемнадцатилетний Пушкин, окончив Лицей, мечтал о военной службе, на которую поступали многие лицеисты. Но! – отец категорически отказал ему в этом, опасаясь расходов: служба в гвардии требовала больших затрат. Семья Сергея Львовича, гордившаяся своей родовитостью, постоянно находилась на грани разорения. Сын Александр вынужден был идти в Коллегию иностранных дел на мизерное жалование. С тех пор вопрос долгов и доходов будет преследовать великого поэта до конца жизни.

Пушкин не вел в Петербурге великосветский образ жизни, он вращался в кругу людей умных, пленявших его свободой взглядов и высказываний, увлекавших своими идеями, стремлением к переменам в российском обществе. Это те, о ком Ю.М. Лотман писал: «Трудно назвать эпоху русской жизни, в которую устная речь: разговоры, дружеские речи, беседы, проповеди, гневные филиппики – играли бы такую роль». Еще чувствовалось в обществе воодушевление от недавней победы над Наполеоном. Для многих радикально настроенных образованных людей литература стала общественной трибуной. Это выразил К.Ф. Рылеев в словах:

«Я не поэт, а гражданин». И юный Пушкин следовал за мыслями этих умных, необычных, решительных людей. Ему принадлежат слова: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

В стихах, за которые Пушкин был сослан, он повторял те мысли, высказывал те пожелания, которые многие смело, без обиняков, излагали в обществе. Все, о чем он писал, – это еще не его, это то, что он усвоил, то, что открыто обсуждали повсюду. Он смело говорил о своем желании «воспеть свободу миру, на тронах поразить порок». И он делал это, не видя тут ничего недозволенного, ибо таковы были повсеместные разговоры в обществе. Но одно дело высказать мысли, другое – зафиксировать их в поэтическом тексте. Слово вылетело и исчезло, как птица из клетки. Стихи – слова, закрепленные на бумаге – это уже документ. Известно высказывание Александра I: «Пушкин наводнил Россию возмутительными стихами. Надо отослать его в Сибирь».

Среди ценителей таланта Пушкина были близкие ко двору люди: Н.М. Карамзин – придворный историограф, В.А. Жуковский – воспитатель сыновей царя, П.И. Чаадаев – родственник влиятельных царедворцев. Их решительная защита юного поэта (к которой была привлечена и императрица Мария Федоровна) изменила намерение царя отправить его в Сибирь. Вместо этого Пушкин получил шесть лет ссылки, строгий негласный надзор полиции, запрет на поездку за границу, передвижение по стране только с разрешения власти – даже из Петербурга в Москву.

6 мая 1820 года Пушкин отправился в ссылку – на Кавказ. Получив небольшое, по тем временам, жалование – 56 рублей 45 копеек в месяц. Жизнь в Кишиневе под крылом доброго покровителя генерала Инзова, полюбившего

молодого изгнанника, защищавшего его от многих неприятностей и дававшего ему деньги в долг, была терпимой. Но в Одессе существование стало невыносимым не только из-за враждебных отношений с графом Воронцовым, под начальство которого перешел Пушкин. Пребывание в высшем одесском обществе требовало больших затрат: номер в гостинице, рестораны, театр, несколько костюмов на разные случаи, экипаж и прочее – на всё следовало найти деньги, а их не было. В Петербурге вышла из печати поэма «Бахчисарайский фонтан», и Пушкин получил 3.000 рублей.

Поэт написал Инзову: «Посылаю вам, генерал, 360 рублей, которые я вам так давно должен, прошу принять мою искреннюю благодарность... Мне стыдно и совестно, что до сих пор я не мог уплатить вам этот долг – я погибал от нищеты». Действительно, скупой отец, возмущенный тем, что сын посмел не угодить царю и навлек на себя его опалу, совсем перестал помогать ему материально. В письме Пушкина к брату – строки раздражения и отчаяния: «Изъясни отцу моему, что я без денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти, хоть я знаю Закон Божий и 4 первых правила, но служу не по своей воле – и в отставку идти невозможно. Все... меня обманывают – на кого же, кажется, надеяться, если не на ближних и родных. На хлебах у Воронцова я не стану жить – не хочу, и полно – крайность может довести до крайности...»

Граф Воронцов, невзлюбивший Пушкина, упорно добивался его высылки из Одессы. Это ему удалось. В связи с высочайшим указом об отставке и переводе Пушкина в Михайловское, была составлена официальная справка о материальном положении семьи Пушкиных, в которой

сказано следующее: «Это фамилия малосостоятельная, и молодой Пушкин, ничего не получая от своих родителей, был вынужден жить на свое скромное жалование 700 рублей в год и на доходы со своих сочинений».

В этическом плане продавать плоды поэтического творчества считалось тогда поступком недостойным, поэты искали других заработков. Пушкин – один из первых – стал отстаивать право поэта получать достойное вознаграждение за свой труд. Будучи в Одессе, он писал своему знакомому Кривцову: «Я уже поборол в себе отвращение к тому, чтобы писать стихи и продавать их, дабы существовать на это, – самый трудный шаг сделан. Если я еще пишу по прихоти своего вдохновения, то, написав стихи, я уже смотрю на них только как на товар по столько-то за штуку. Не могу понять ужаса своих друзей...»

В феврале 1825 года вышла в свет первая глава «Евгения Онегина». В качестве предисловия к ней – стихотворение: «Разговор книгопродавца с поэтом», где Пушкин изложил свое отношение к этой проблеме. Его строки:

*Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать*

– получили широкую известность.

Жизнь в Михайловском обходилась дешевле, чем жизнь в Одессе. И все же Пушкин оставался в затруднительном положении. В письме к Дельвигу он жаловался: «... с братом я в сношения входить не намерен. Он знал мои обстоятельства и самовольно затрудняет их. У меня нет ни копейки денег в минуту нужную, я не знаю, как и когда я получу их. Беспечность и легкомыслие эгоизма извинительны только

до некоторой степени». Лев Сергеевич, видимо, опять просил денег для уплаты очередного карточного долга.

В сентябре 1826 года Николай I вернул Пушкина из ссылки. Литературная общественность с восторгом приняла поэта. Многие уже признавали его первым поэтом России. Но он беден, не расчетлив и не бережлив. Он плохой делец и никакой коммерсант. Этим пользуются издатели. В 1827 году Александр Сергеевич писал Соболевскому: «Здесь в Петербурге дают мне по 10 рублей за стих, а у вас в Москве хотят меня заставить даром и исключительно работать журналу. А еще говорят: “Он богат, черт ли ему в деньгах”. Положим так, но я богат через свою торговлю стишистую, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича».

Друг Пушкина П.А. Плетнев, профессор Петербургского университета, чрезвычайно высоко ценя гений Пушкина, взял на себя посредническую деятельность, чтобы на выгодных условиях выпустить в свет то, что поэт создал в ссылке. Впоследствии он выпустил более двадцати книг Пушкина, взяв на себя все заботы об издателях, типографских и иных расходах. Пушкин не раз высказывал мысль о том, что своими заработками он обязан исключительно Плетневу.

В апреле 1830 года объявлено о помолвке поэта и Натальи Гончаровой. Невеста – бесприданница. Нужно много денег. Отец дал ему в виде свадебного подарка 200 душ крестьян, и в сентябре Пушкин уехал в Болдино для оформления на свое имя деревни Кистиневки, которую он тут же и заложил. По возвращении из Болдина Пушкин писал Плетневу:

«Через несколько дней я женюсь и представляю тебе хозяйственный отчет: заложил я моих 200 душ, взял 38.000 – и вот им

распределение: 11.000 теще, которая непременно хотела, чтобы дочь ее была с приданным – пиши пропало. 10.000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17.000 на обзаведение и житие годичное. ... Взять жену без состояния – я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок – я не в состоянии. Но я упрям и должен был настоять, по крайней мере, на свадьбе. Делать нечего: придется печатать мои повести».

И вот поэт женат и счастлив: «Теперь, кажется, все уладил и стану жить потихоньку без тещи, без экипажа, следовательно – без больших расходов и сплетен...» Он мечтал об этом. Но произошло событие, навсегда лишившее его возможности «жить потихоньку».

А. Гессен описывает его так: «Пушкин часто совершал с женой большие прогулки. Однажды он повстречался в Царскосельском парке с Николаем I. Царь остановил коляску и побеседовал с поэтом. Царь спросил его: «Почему вы не служите?» – «Я готов, но, кроме литературной службы, никакой другой не знаю», – ответил Пушкин. Царь предложил ему написать историю Петра Великого. Пушкин дал согласие, и Николай распорядился: «Отставного коллежского секретаря Александра Пушкина принять на службу тем же чином и определить его в Коллегию иностранных дел». Жалование Пушкину было определено в 5.000 рублей ассигнациями в год».

Осенью того же года Пушкин сообщает Нащокину: «Женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро».

До конца своих дней Пушкин испытывал нехватку денег. Получив доступ к архивам в связи с работой над историей Петра I, он углубился в материалы и документы, относящиеся к пугачевскому бунту. Царь одобрил эту работу. В январе

1834 года Пушкин обратился с просьбой о выдаче ему из казны взаимобразно 20.000 рублей на печатание «Истории пугачевского бунта». Книга вышла в 2-х томах. В дневнике Пушкина появилась запись: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже – не покупают...» Долги растут, денег нет.

Муж сестры Ольги Павлищев домогался уплаты Пушкиным денег за наследственную часть Михайловского, полагавшуюся его жене. Пушкин ему писал: «В один месяц я уплатил из моих денег уже 866 рублей за батюшку, а за Льва Сергеевича 1.300, более не могу...» Всегда безденежный Левушка не раз обращался к брату с просьбой выручить его, оплатив карточный долг, в противном случае он грозитя покончить с собой.

Пушкин опять уехал в Болдино улаживать дела по имению. Возвратившись, он записал: «...съездил в нижегородскую деревню, где управители меня морочили, а я перед ними шарлатанил и, кажется, неудачно».

Можно привести еще немало примеров в доказательство отчаянного финансового положения поэта. (Бриллианты и другие украшения Натальи Николаевны проданы за бесценок, долг за наем квартиры в 1.063 рублей решением суда должен быть взыскан; долг владельцу книжного магазина 2.172 рублей и тоже угроза суда, и так далее, и тому подобное). Все это приводило к подавленному состоянию и не давало заниматься творчеством.

Выход один: уехать в деревню... Пушкин написал очень откровенное и важное для него письмо Бенкендорфу, где отметил, что ему на государственной службе положили жалование 5.000 рублей (в год). Однако расходы семьи в год составляют 25.000 рублей. «За четыре года, как я женат, – писал он, – я сделал долгов на 60.000 рублей». Далее он объяснял, почему ему надо уехать в деревню на три-четыре года.

«У меня нет состояния... До сих пор я жил только своим трудом.... В работе ради хлеба насущного, конечно, нет для меня ничего унижительного, но привыкнув к независимости, я совсем не умею писать ради денег; и одна мысль об этом приводит меня в полное бездействие. Жизнь в Петербурге ужасающе дорога. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я еще обязан милостям его величества».

Николай I решил, что поэт может уехать в деревню на несколько лет при условии, что уйдет в отставку и лишится права посещать архив. Слишком много труда вложил Пушкин в работу над историей Петра I, чтобы оставить ее незаконченной. Он остался в Петербурге. В том же году по просьбе поэта ему было выдано из казны 30.000 рублей займа, с последующим погашением из жалования.

Осенью того же года Пушкин уехал один в Михайловское, надеясь «расписаться» и привезти много «товара» на продажу. Но «расписаться» не удалось. Почему?

Ответ обнаруживается в письме к жене: «Я все беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет... А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполовину промотал; ваше имение на волосок от гибели. Царь не позволяет мне записаться ни в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит Бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30.000. Все держится на мне, да на тетке. Но ни я, ни тетка не вечны... грустно». (Тетка – это Екатерина Ивановна Загряжская, которая безвозмездно помогала любимой племяннице Наталье Николаевне).

На исходе 1835 года Пушкин, наконец, получил разрешение издавать журнал «Современник». Надеялись, что он

будет приносить не менее 60.000 рублей в год. Но, по словам С. Фомичева, журнал «не принес ожидаемых результатов – скорее еще больше разорил своего издателя».

Всю жизнь Пушкин ощущал свою бездомность, страдал от этого и прикладывал усилия, стремясь обрести свой Дом. Родительский дом не был для него родным, Лицей, как бы ни был он любим, все же являлся «казенным домом». А дальше можно перечислять адреса квартир, гостиниц, трактиров, где поэт жил...

Вернувшись из ссылки, он, в свои 28 лет, решил обзавестись семьей и Домом. В дневнике есть такие строчки: «Юность не имеет нужды в at home, зрелый возраст ужасается своего одиночества. Блажен, кто находит подругу, тогда удались он Домой. Скоро ли перенесу я свои Пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; туры поэтические – семья, любовь etc – религия, смерть». Тогда он еще не знал, что трудности на пути к своему Дому окажутся непреодолимыми.

Через три месяца после женитьбы Пушкин узнал: вблизи Михайловского продается имение Савкино. Он писал П.А. Осиповой: «... я попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино и на каких условиях. Я бы выстроил себе там Хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году. Что скажете вы, сударыня, о моих воздушных замках, иначе говоря, о моей Хижине в Савкино? – меня этот проект приводит в восхищение, и я постоянно к нему возвращаюсь...». Так писал Пушкин в 1831 году. Но император взял его на службу, и уже в следующем письме Осиповой: «...новые занятия удержат меня в Петербурге еще на 2–3 года». В 1833 году он вновь писал Осиповой: «Не знаю, когда буду иметь счастье

явиться в Тригорское, но мне до смерти этого хочется. Петербург совершенно не по мне, ни мои вкусы, ни мои средства не могут к нему приспособиться. Но придется потерпеть года два или три».

В 1834 году поэт просил отставку, чтобы жить в деревне и иметь возможность писать, но и это не осуществилось.

Ю.М. Лотман считал, что решение Пушкина завести свой Дом было продиктовано многими соображениями: «...усталость от холостой беспорядочной жизни, потребность углубленного спокойного труда... решение это связывалось и с глубокими общественными и историческими размышлениями Пушкина, поисками независимого и достойного существования – Дома». Лотман отмечал, что «размышления Пушкина о Доме близки Л.Н. Толстому, который в «Войне и мире» создал апофеоз Семье и Дому. Совпадение позиций Толстого и Пушкина вовсе не случайно: именно у Толстого нашла свое продолжение пушкинская традиция культивирования святыни домашнего гнезда как основы «самостояния человека»...» И, далее: «...отвращение от «свинского Петербурга» отнюдь не означало для него отказа от поэтической прелести петербургских белых ночей, от напряженной культурной жизни во всем ее разнообразии...»

До последних дней жизни Пушкин боролся за осуществление мечты обрести свой дом. Он хотел сохранить Михайловское, которое любил и где мечтал поселиться. Возник проект: выкупить имение у сонаследников. Договориться с братом оказалось несложно, но муж сестры Ольги Н. Павлищев взял на себя защиту интересов жены и заявил, что Александр Сергеевич преуменьшает ценность Михайловского.

В декабре 1836 года Пушкин сообщал Осиповой: «К великому сожалению, я был вынужден отказаться быть вашим

соседом». И объясняет сложившуюся ситуацию: «...если имение стоит больше, я не хочу наживаться за счет сестры и брата. На этом дело и остановилось». Михайловское было объявлено в продажу.

П.А. Осипова искала возможность помочь Пушкину и решила сама купить имение. В начале января 1837 года, за 20 дней до гибели поэта, она написала: «Мне Михайловское не нужно, и, так как вы мне вроде родного сына, я желаю, чтобы вы его сохранили – слышите?»

Но судьба распорядилась по-своему: 29 января 1837 года Пушкин ушел из жизни, так и не обретя своего Дома.

Николай I составил записку о милостях семье убитого Пушкина: «1) Заплатить долги. 2) Заложенное имение отца очистить от долгов. 3) Вдове – пенсия и дочери по замужеству. 4) Сыновей – в пажи и по 1.500 рублей на воспитание каждого по поступлении на службу. 5) Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6) Единовременно 10 тысяч». Только ценой собственной жизни удалось Пушкину заплатить долги и обеспечить скромное существование жены и детей.

Христина Рустанович

КНЯЗЬ В.Ф. ОДОЕВСКИЙ – БЛАГОТВОРИТЕЛЬ: ОТ ИДЕАЛИЗМА К ПРЕКРАСНОДУШИЮ

«Кажется, достаточно было один день провести с этим человеком, чтоб навсегда полюбить его. Но свет глумился над его рассеянностью, – не понимая, что такая рассеянность есть сосредоточенность на какой-нибудь новой мысли, на какой-нибудь задаче или гипотезе».

Яков Петрович Полонский.

В Российской империи тысячи людей совершали жертвования на благотворительность. Существовало множество общественных организаций, помогающих бедным, сиротам, инвалидам. Но не всегда удавалось организовать процесс так, чтобы помощь приходила точно по адресу. Князю В.Ф. Одоевскому это удалось.

Владимир Фёдорович принадлежал к старинному русскому роду Одоевских, древнему ответвлению огромного древа Рюриковичей. Прямым предком Одоевского был черниговский князь Михаил Всеволодович, причисленный к лику святых. Но Владимир Фёдорович никогда не кичился своею знатностью.

Одоевский родился в Москве в 1803 году. В зрелые годы, пребывая на службе в Петербурге, он всегда мечтал вырваться из оков столичной суеты, чтобы жить в Москве. Образование князь получил в Московском университетском благородном пансионе, где увлекся идеями немецкого идеалиста Ф.В. Шеллинга. Около 9 лет в своей квартире в Газетном переулке Одоевский собирал «Общество любомудрия», где бывали В.Г. Белинский, А.И. Кошелев, Д.В. Веневитинов, В.К. Кюхельбекер. М.П. Погодин и другие знаменитые интеллектуалы эпохи Александра I. Кружок был закрыт сразу после восстания декабристов 1825 года. Но князь продолжал дружить с членами «общества», с Кюхельбекером, издавал альманах «Мнемозина».

За два года до этого Одоевский получил по наследству имение в Костромской области, что позволило ему в 1826 году жениться на Ольге Степановне Ланской, давно и страстно любимой. Женитьба заставила князя переехать с молодой супругой в Петербург, где он поступил на службу в ведомство иностранных вероисповеданий.

Именно в эти годы Одоевский издает сборник эссе и рассказов «Русские ночи». А в 1844 году выйдет из печати трехтомное собрание его сочинений. На этом путь Владимира Фёдоровича в литературе завершился. Современники отход князя от литературных дел воспринимали как нечто таинственное, непонятное. В 1845 году критик Пётр Александрович Плетнев признавался Жуковскому «Но что сказать об Одоевском? В нем всё ещё остается что-то неразгаданное. Он к чему-то стремится. Только в намерениях и поступках его, в цели и в средствах, в желаниях и их осуществлениях столько несогласия и противоречия, что я готов признать его за существо, от природы обделенное каким-то органом».

Одоевский, отдалившись от литературы, перестал быть романтиком, публиковавшим на радость образованной публики фантастичные, сказочные, философские и даже кулинарные сочинения под многочисленными псевдонимами (Московский обыватель, Иван Оглошаемый, титулярный советник в отставке Плакун Горюнов, Доктор Пуф, Тихоныч, Невский, отставной капельмейстер Карл Биттерман и др). Он стал человеком дела.

Владимир Фёдорович заметно изменил образ жизни, за небольшие деньги продал имение и отдался благотворительности. А.И. Кошелев, друг Одоевского, вспоминал: «Благотворительность для князя Одоевского была не долгом, который он на себя налагал, не средством к получению награды в будущем мире; нет! она была для него потребностью – наслаждением жизни». Именно тогда проявилась в полной мере чистая и бескорыстная вера Одоевского в Бога и не менее чистая любовь к человечеству.

На целых девять лет Одоевский посвятил всего себя петербургскому «Обществу посещения бедных». Князь отдавал «Обществу» всё свободное от службы время, все средства, которыми мог располагать при ограниченном достатке.

«Общество посещения бедных» возникло в кружках, которые собирались у князя Одоевского и графа В.А. Соллогуба. На этих кружках собирались литераторы, артисты, ученые, образованные светские женщины, вельможи и блестящая светская молодежь. Первую мысль о создании благотворительного общества пришла в голову графу Михаилу Юрьевичу Виельгорскому. Он являлся опекуном Санкт-Петербургского опекунского совета, управлял Санкт-Петербургским воспитательным домом, Мариинской больницей и Училищем глухонемых (все эти организации входили в состав Ведомства

учреждений императрицы Марии). У Михаила Виельгорского и его брата Матвея всегда были дружеские отношения с Одоевским, но они никогда не могли сойтись во мнениях о музыке. Например, Одоевский восхищался оперой М.И. Глинки «Руслан и Людмила», а Виельгорский назвал её «орера manque», т.е. неудавшейся оперой.

Различия во вкусах не помешали благому делу. «Общество» возникло 1846 году. Герцог Максимилиан Лейхтенбергский стал его попечителем. Герцог был известной и знатной личностью, приходился зятем Николаю I и внуком Наполеону. Отец Максимилиана Евгений Богарне был вице-королем Италии. Одоевский составил правила Общества и был единогласно избран его председателем. Позднее князя каждый год единогласно переизбирали.

В Общество стали приходиться письма от нуждающихся в помощи. Писем оказалось слишком много. Члены Общества были в недоумении и задавались вопросом: как определить, кому действительно нужна помощь? Требовалось лично удостовериться в плачевном состоянии просителя. Задача весьма трудная... В Обществе разделили обязанности тех лиц, кому обычно адресовались письма просителей.

Первое время Общество состояло из 25 членов с первоначальным капиталом в несколько сот рублей. Основной целью общества стало посещение просителей и затем направление средств благотворителей наиболее разумным способом. Т.е. «Общество посещения бедных» было посредником между благотворителем и нуждающимся в помощи.

Все члены общества состояли на службе, вели светскую жизнь и практически не имели времени на что-то ещё. Было найдено оригинальное решение. Каждый участник обязывался жертвовать Обществу одним днем в месяц.

Вся организация Общества была новой и, как оказалось позже, очень эффективной. Одним из основных принципов стала гласность. Финансовые операции не держались в секрете, о своих действиях Общество сообщало в печати, издавались брошюры и отчёты. Успех пришёл быстро. Через два года в Обществе состояло 300 человек. От благотворителей и предприятий Общества поступило за всё это время 60 тысяч рублей, из которых на пособия бедным и заведения для них было потрачено 40 тысяч рублей. Интересны методы, которыми удавалось привлечь общественность. Например, устраивалась «беспроигрышная лотерея», в которой каждый участник получал недорогой приз, а деньги от лотереи шли на помощь бедным.

Вскоре по проекту графа В.А. Соллогуба было устроено несколько женских рукоделен, которые самоокупались и одновременно давали зарплату бедным работницам. Смотрительница одной рукодельни после закрытия Общества продолжала содержать её за свой счет, находя это очень выгодным. Для старых одиноких женщин устроили общую квартиру. Появились семейные квартиры. Из холодных подвалов и чердаков переселяли бедные семейства, спасая их от губительной атмосферы. Для детей учредили два детских ночлежных дома (один – для мальчиков, другой – для девочек).

Деятельность Общества вселяла в окружающих не одни только добрые мысли. У Общества было около 8 тысяч адресов бедных, многие из них испытывали недовольство Обществом, не поощрявшим тунеядство и нищенский промысел. Тучи сгущались. Ожидали закрытия Общества. Но 19 марта 1848 года на имя герцога Лейхтенбергского пришел рескрипт о присоединении «Общества посещения

бедных» к Императорскому Человеколюбивому обществу. Этот рескрипт казался приговором, так как Человеколюбивое общество состояло из чиновников на государственной службе. Общество посещения бедных существовало исключительно на добровольных началах, и совместить его деятельность с работой государственной машины оказалось сложным делом.

Князю Одоевскому удалось удержать Общество от распада путём борьбы, которая стоила ему многих горьких часов и бессонных ночей. Бюрократические тонкости мешали благим делам. Однажды в Петербург приехал хор цыган, вызвавший огромный интерес петербуржцев. Цыгане проявили желание дать концерт в пользу бедных, но программа концерта могла быть напечатана только с разрешения совета Человеколюбивого общества, а он собирался раз в месяц. Концерт не состоялся.

Но Общество продолжало существовать, несмотря ни на что. Статский советник Е.А. Кузнецов принес в дар Обществу 40 тысяч рублей серебром, что дало возможность преобразовать женский детский ночлег в женское училище на 150 воспитанниц. Училище назвали Кузнецовским. Известный тогда медик Фон-дер-Флаас представил Обществу проект лечебницы для просителей Общества. В лечебницу были привлечены лучшие врачи Петербурга. Каждый мог туда прийти, внося 30 копеек. Более восьми тысяч человек посещали клинику ежегодно.

Помимо успехов были и потери. Герцог Максимилиан Лейхтенбергский поехал в Екатеринбург, чтобы посетить уральские заводы. Во время поездки герцог простудился и уже не поправился. За несколько дней до кончины герцог, уже не встававший с постели, принимал князя Одоевского

и обсуждал дела Общества. В память о попечителе лечебница была названа Максимилиановской.

Новым попечителем Общества согласился стать великий князь Константин Константинович. Несмотря на это, Общество начало распадаться, а в апреле 1855 года и вовсе было упразднено. Одоевский позже сказал: «Этому делу, в течение девяти лет, я принес в жертву всё, что я мог принести: труд и любовь». Петербург сохранил «памятники» Обществу: Кузнецовское женское училище и Максимилиановскую лечебницу. Лечебницу приняла под свое попечительство великая княгиня Елена Павловна, назначив Одоевского заведовать клиникой.

Вскоре Одоевский вернулся в Москву – из-за переезда Румянцевской библиотеки в дом Пашкова. Ведь князь был одним из спасителей уникальной библиотеки Н.П. Румянцева, которая стала основой современной Российской Государственной Библиотеки. В Москве князь также занимался исследованием древней церковной музыки, интерес к которой никогда не оставлял Владимира Федоровича.

В.Ф. Одоевский был оригиналом-энциклопедистом. Его интересовала медицина, кулинария, литература, музыка, философия, физиология, история. Он придумывал общеукрепляющие лекарства, рецепты экзотических блюд и даже изобрел музыкальный инструмент – энгармонический клавицин. Это было пианино, в котором каждая черная клавиша делилась надвое. Инструмент сейчас хранится в Музее музыкальной культуры им. Глинки в Москве.

Сложно определить, что интересовало князя больше всего. Сложно и современникам было понять, кто он: философ, литератор, чиновник? Но все отмечали его удивительный характер: Одоевский всю жизнь оставался добрым

и наивным человеком. Один из современников попытался найти слово, которое точно бы очертило личность Владимира Фёдоровича: «Долго думал я, как бы характеризовать короче и яснее Одоевского, и вспомнил одно слово, пущенное в ход наблюдателями тридцатых годов, над которым много смеялись мы по его искусственному составлению, но оно именно может быть употреблено кстати, говоря об Одоевском: “прекраснодушие”». Возможно, Одоевский перестал быть идеалистом, занявшись общественной деятельностью. Но прекраснодушным он остался, а может даже стал «прекраснодушным идеалистом».

Планов у князя всегда было много. После смерти в бумагах Одоевского было найдено неотправленное письмо, где князь просил у Александра II разрешения продолжить труд Карамзина. Одоевский собирался написать книгу под названием «Россия во второй половине XIX века». Единственное, чего боялся Одоевский – это «умереть прежде, нежели исполню предпринятое». Опасения князя оказались основательны. Кончина не позволила ему отправить императору послание. На докладе о его смерти государь положил следующую собственноручную резолюцию: «Искренне о нём сожалею».

Анастасия Богомазова

В ПОИСКАХ ПРЕКРАСНОГО: ФЁДОР ИВАНОВИЧ БУСЛАЕВ

Еще в середине XIX века древнерусским искусством, особенно художественным оформлением рукописей, практически никто не интересовался. Эта область считалась темной, недостойной внимания исследователей и общества. Первым, кто начал его изучать, кто открыл его красоту и значение, был Фёдор Иванович Буслаев. По широте интересов этого человека сравнивали с М.В. Ломоносовым, по работоспособности – с С.М. Соловьёвым, по объему материала, который он первым ввел в научный оборот и по значению его трудов для общества – с Н.М. Карамзиным.

Родился Федор Иванович в 1818 году в Пензенской губернии. Школьное обучение пробудило в нем «любовь к наукам, которая потом навсегда сделалась предметом и целью всей... жизни», – вспоминал он. Нежно любившая его матушка, женщина сильной воли и высоких моральных качеств, заботилась об образовании и эстетическом развитии сына. Она стала для него близким другом, более того – примером для подражания. «Ты поехал в Москву с хорошей нравственностью, и это в глазах добрых и честных людей ценится лучше графства и княжества» – таково было ее последнее благословение

сыну, уезжающему поступать в Московский университет. Там, на лекциях историка отечественной словесности С.П. Шевырёва, Буслаев впервые почувствовал красоту русского и церковнославянского языка и «сознательно полюбил его». Под руководством Шевырёва он написал первые работы по филологии. Много счастливых часов Буслаев проводил в древлехранилище знаменитого историка М.П. Погодина – своего рода частном музее, в котором помещалось собрание старинных предметов: икон, оружия, монет, наградных знаков, рукописных и старопечатных книг. Именно здесь Фёдор Иванович учится читать и понимать старинные русские рукописи.

В 1838 году Буслаев, блестяще подготовленный, выпускается из университета и поступает домашним учителем в семью барона Л.К. Боде, а потом к графу С.Г. Строганову – попечителю Московского учебного округа, образованнейшему человеку своего времени. Граф принял искреннее участие в судьбе юноши. Чтобы заниматься с его детьми, Буслаев едет в путешествие по Европе. Прежде такое не могло и прийтись бедному молодому человеку, сироте...

Фёдор Иванович ставит себе целью продолжить образование, изучить античную культуру, выработать эстетический вкус, прикоснувшись к красоте и стать лучше, духовно чище, он «заранее мечтал пересоздать себя и преобразовать». Эта поездка не только имела для него познавательное значение, но и определила его судьбу. Он осознал, что жизнь без изучения искусства для него невысказана.

Буслаев возвращается в Москву, и начинается его научная деятельность, такая же обширная, как и его познания (только языков за свою жизнь он выучил около десятка). В какой только области гуманитарного знания не оставил он свой след! Филолог, историк языка, исследователь древнерусской

и западноевропейской литературы, доктор русской словесности и искусства, литературный критик, Фёдор Иванович стал основателем мифологической школы и сравнительно-исторического метода в отечественной филологии. В 26 лет он издает учебник «О преподавании отечественного языка», а в 1858-м по поручению Я.И. Ростовцева пишет «Историческую грамматику русского языка» для военно-учебных заведений. Эти его труды были высоко оценены современниками и переиздаются до сих пор. В 1859–1860-х он преподавал историю русской литературы цесаревичу Николаю Александровичу. Буслаев очень внимательно относился к личности ученика, к его интересам и способностям, а его лекции завораживали слушателей и заражали их страстной заинтересованностью к предмету. Свободное время он также отдавал им, приглашая к себе домой для занятий с рукописями, а также для бесед, о которых сохранилось много благодарных воспоминаний. Фёдор Иванович всегда очень радовался, если кто-то из его учеников добивался больших результатов, чем он сам.

Буслаев дружил и со славянофилами, высоко ценя «их нравственное достоинство, безукоризненную чистоту помыслов», и с западниками, причем сам себя не относил ни к тем, ни к другим. Он принимал некоторое участие в общественной жизни, являясь одним из членов-учредителей Московского славянского комитета (1858), но политика его совершенно не интересовала. «Для меня нет ничего скучнее, чем тарабарская грамота политических дебатов», – говорил он. Буслаев вырос в эпоху господства романтизма, когда «...вся обстановка жизни, всё ежедневное с его толкотней и суматохой... казалось пошлым и невзрачным..., надобно было уноситься от всех этих дрязгов в необозримую даль прошедшего и в фантастических потемках средневековья искать

светлые идеалы своих тревожных мечтаний». Романтиком он остался до конца жизни. Служение науке всегда было для него главным: «Истинный ученый, равно как и истинный поэт, не станет мешать в грязь действительности своих высоких идей... истинная наука, неподкупное искусство так же чисты и светлы, как и сама религия», – писал он в дневнике.

Разносторонние интересы Федора Ивановича объединяло одно – любовь к русской народности во всех ее проявлениях: ее отражение в жизни языка, литературе, искусстве и фольклоре. Изучение русского искусства, художественного украшения рукописей стало делом его жизни, именно в этой сфере он стал подлинным новатором.

Один из его учеников, Н.М. Гутьяр, вспоминал, что «красота во всех своих проявлениях всегда сильно подкупала Фёдора Ивановича. Поклонник изящного, он многое мог простить ради эстетических достоинств явления или факта». Вот эту-то красоту он и смог увидеть в древних русских и славянских рукописях. И не просто увидеть, а донести до общества, доказать ему, что наши «лицевые» рукописи прекрасны, а наше древнее искусство ничем не хуже европейского, просто до Петра I они развивались в разных направлениях.

Впервые русское искусство заинтересовало Буслаева в 1849 году, когда он прочел монографию своего наставника С.Г. Строганова о Дмитриевском соборе во Владимире. Книга, по собственному признанию ученого, открыла его глазам «новую область для исследований... богатых материалов русской монументальной и художественной старины в сравнительном изучении их со средневековыми стилями византийского и западноевропейского искусства». Кроме того, граф Строганов собрал в Москве богатую коллекцию старинных икон, с которой мог познакомиться и Буслаев. Благодаря

Строганову же Буслаев узнал об иконописных подлинниках, т.е. руководстве для мастеров – в каком виде писать священные лица и события, не отступая от церковного предания. С тех пор он увлекся изучением «лицевых» рукописей, иначе говоря, рукописей, текст которых дополняется и объясняется миниатюрами. Фёдор Иванович скупал их на книжных рынках и составил значительную коллекцию. Она была доступна и для его учеников. В 1880-х часть ее он отдал в библиотеку историко-филологического факультета Московского университета, где преподавал на протяжении многих лет (позже передана Фундаментальной библиотеке университета). Другая часть попала в Московскую Публичную Императорскую библиотеку и Румянцевский музей.

В 1855 году по указанию С.П. Шевырева Ф.И. Буслаев подготовил для юбилейного издания, посвященного столетию Московского университета, описание нескольких ценнейших рукописей из Синодальной библиотеки. Труд этот сопровождался приложением – раскрашенными снимками живописно оформленных листов. Целью его работы было – «дать точное понятие об орнаментации заставок и заглавных букв русских писцов XI–XVI веков». Тогда Буслаев впервые приступил к изучению русского орнамента – делом, которым он с таким удовольствием и любовью занимался до конца своей жизни.

В 1860-м Буслаев печатает сборник статей «Исторические очерки русской народной словесности и искусства». Во второй том вошли такие статьи, как «Изображение страшного суда по русским подлинникам», «Византийская и древнерусская символика по рукописям от XV до конца XVI века», «Для истории русской живописи XVI века». Издание снабжено большим количеством миниатюр с «лицевых» рукописей, так как Буслаев считал, что не обращать внимания на миниатюры

и не изучать их научно «значило бы не исчерпывать вполне всего, что давал писец своим читателям». Выход в свет этого труда имел колоссальное значение для отечественной науки. Буслаев поставил новые вопросы, на часть из них постарался ответить, а остальные ждали еще своего решения. Все его работы написаны живым, понятным языком, так чтобы их могли читать не только специалисты: «Буслаев в своих очерках не спускался до публики, а поднимал ее до науки».

В 1864 году было создано Общество древнерусского искусства при Московском Публичном музее. Буслаев стал одним из его основателей и первые три года – секретарем. Целью общества явилось собирание и изучение памятников древнерусского искусства, преимущественно иконописи, и распространение знаний о ней. Общество издавало журнал, а в 1866 году выпустило первый сборник исследований, где Буслаев опубликовал статью «Общие понятия о русской иконописи». В ней ученый показал значение лицевых подлинников для изучения древнерусских икон. Главный его вывод: русская иконопись так же, как и западная, – наследница византийского искусства. Но если на Западе его развитие вылилось в стремление к красоте, изяществу и утратило глубину религиозного смысла, то русское искусство сохранило, в ущерб красоте, благородство и чистоту строгого церковного стиля. Этим оно и ценно. Фёдор Иванович полагал, что необходимо поддерживать зарубежных исследователей, интересующихся древнерусским искусством, распространять знания о нем не только в России, но и за границей. Он сам послал несколько своих рукописей в дар профессору Пиперу, основателю Берлинского христианского музея.

Федора Ивановича тревожило то, что иностранцы из-за своей некомпетентности крайне негативно отзываются

о русском искусстве, а из-за отсутствия собственных исследований, русские люди верят иностранным. В 1877 году известнейший французский ученый и архитектор Виолле-Дюк по заказу русского правительства издал исследование об орнаменте в русских рукописях, невысоко его оценив и сделав вывод о сильном восточном влиянии на него. Буслаев опроверг его выводы и доказал его некомпетентность в этой области. Эта рецензия стала самостоятельным исследованием Фёдора Ивановича об орнаментах в древних славянских и русских рукописях. Он выделяет «византийский» и «чудовищный» орнамент, рассматривает их эволюцию, сравнивает с орнаментом византийских рукописей и западноевропейским «романским» орнаментом. Орнамент для него – не просто украшение текста, но выражение художественных представлений, вкуса писца, да и читателей рукописи. Чуть позже ученый напишет еще две работы по орнаменту в славянских и русских рукописях.

В конце 1870-х годов Буслаева избрали почетным членом Общества любителей древней письменности. Для него Федор Иванович он обещал сделать подробное описание двух апокалипсисов XVI века. Постепенно эта работа переросла в огромное исследование. В течение 8 лет Буслаев изучил около 60 лицевых апокалипсисов, а решив сравнивать их с западными, поехал опять в Европу – за необходимыми рукописями (1880). Он постарался дать настолько подробное описание миниатюр, чтобы люди, не имевшие под руками атласа с иллюстрациями, могли их себе представить. Буслаев лично следил за тем, как снимают с миниатюр копии для атласа иллюстраций. За эти восемь лет он потерял зрение... В 1881-м он ушел из Университета и полностью погрузился в это исследование, которое принесло ему впоследствии

мировую известность. Свой грандиозный труд ученый посвятил памяти наставника, графа Строганова. До сих пор исследователи обращаются к этой фундаментальной работе.

В 1880 году вся ученая Россия отмечала пятидесятилетие научной деятельности Ф.И. Буслаева, а в 1897-м скорбела по поводу его кончины. Этот удивительно цельный и при этом многогранный человек, скромный, готовый помочь каждому, кто нуждался в его поддержке, отдавший всю свою жизнь служению науке, оставил о себе добрую память – и как о человеке, и как об ученом. Филолог и археолог Вс. Миллер, ученик Буслаева, так отозвался об учителе: «Он был прежде всего ученый художник, высокий служитель не только науки о поэзии, но и поэзии науки».

Михаил Тренихин

ХРАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Государственный исторический музей имеет мировую известность. А в России это крупнейший национальный музей федерального значения.

Замечательное здание Исторического музея, построенного в «русском стиле», стало одним из символов страны наряду со Спасской башней Кремля и собором Покрова на рву (Василия Блаженного). Это не случайно: все они находятся по соседству, обрамляя сердце Москвы – Красную площадь. Но не всегда на этом месте находилось знакомое всем здание ГИМа, его появление – заключительный этап в череде сменяющих друг друга зданий.

К концу XV – началу XVI века относятся первые документальные сведения о том, что располагалось в северной части будущей Красной площади. Здесь, между Никольскими воротами Кремля и Воскресенскими воротами Китай-города, а в начале XVI века стоял Ямской двор, ведавший почтовой «гоньбой». Рядом располагалось городское судилище с небольшим «острогом» – тюрьмой. При Иване IV, в середине столетия, здесь разместился Земский приказ. А при Петре I, упразднившем Земские приказы, в каменном здании

на месте современного Исторического музея размещалась Главная аптека. В обязанности Главной аптеки входило снабжение лекарствами армии и крупных городов России. Здание просуществовало около двух веков, неоднократно меняя своё назначение. Это было трёхэтажное сооружение с трёхъярусной башней. В начале XVIII столетия к зданию была пристроена так называемая «Казанская австрия» – питейный дом, аналог европейской гостиницы и ресторана. Здесь посетителям предлагали первую русскую газету «Ведомости».

Во время опустошительного пожара 1737 года аптека сгорела. Здание Главной аптеки возобновлял зодчий И.Ф. Мичурин. В 1744 году ее помещения отдали Берг-коллегии – департаменту горных дел. Через десять лет произошло событие, с которым связаны самые важные и славные страницы истории этого здания – в 1755 году именно здесь был торжественно открыт первый в России университет. Он обосновался в сердце «второй столицы» Империи благодаря стараниям великого русского учёного М.В. Ломоносова. Имя его и сегодня по праву носит Московский государственный университет. Однако уже в 1782–1793 годах для университета по проекту М.Ф. Казакова было построено новое здание на Моховой улице – разросшемуся заведению стало тесно в отведённых ему помещениях. После его переезда в здании Главной аптеки поселились городские административные учреждения: дума, магистрат, губернские Присутственные места.

Лишь во второй половине XIX столетия чиновников тут потеснили музейщики.

Облик современного здания Исторического музея – отнюдь не единичное, не исключительное явление: он органично связан со стилем, которым в конце XIX – начале XX веков стал популярным среди застройщиков Москвы.

9 февраля 1872 года последовало высочайшее соизволение на устройство в Москве Музея имени наследника престола цесаревича Александра Александровича (позднее, с 1881 года – и до советских времен, он именовался иначе: «Императорский Российский исторический музей»). Решение создать в Москве Музей, который бы «служил наглядной историей главных эпох Русского Государства», возникло в Севастопольском отделе Московской политехнической выставки. Идею подал граф Алексей Сергеевич Уваров. Московская городская дума в апреле 1874 года безвозмездно выделила для постройки музея землю на Красной площади Москвы, хотя данный участок первоначально предназначался для строительства нового здания самой городской думы. Разработкой научной концепции музея занимались известные отечественные учёные и общественные деятели – археолог, собиратель древностей граф Алексей Сергеевич Уваров (1828–1884) и выдающийся историк-археолог, профессор Московского университета, знаток быта допетровской эпохи Иван Егорович Забелин (1820–1908).

По итогам конкурса на лучший проект музейного здания предпочтение было отдано работе архитектора В.О. Шервуда и инженера А.А. Семёнова. Ее удостоили первой премии. Торжественная закладка будущего здания состоялась 20 августа 1875 года.

Архитектор и теоретик Владимир Осипович Шервуд (1832–1897), примкнув к историзму национально-романтического толка, стал едва ли не самым ярким приверженцем той разновидности «русского стиля», которую принято именовать «стилем Александра III». Она справедливо считается более монументальной, более «государственной» в сравнении с предшествующей ей «ропетовской» вариацией. «И.П. Ропет» – псевдоним выдающегося

архитектора И.Н. Петрова. В его творениях воскресло средневековое национальное зодчество, в них часто использовались мотивы деревянной резьбы, народных сказок, старинных теремов. Свообразным же манифестом «стиля Александра III» стало именно здание Исторического музея в Москве.

Зодчий старался неукоснительно следовать наставлениям Уварова. А Алексей Сергеевич считал необходимым «...обратить внимание на... сооружения, уже существующие на Красной площади, именно: на церковь Василия Блаженного и на кремлёвскую стену с её башнями, которыми будет окружён Исторический музей и с которыми, следовательно, он должен находиться в соответствии». Архитектору удалось блестяще добиться органической связи музея с окружающими его шедеврами древнерусского зодчества. Владимир Осипович сохранил композиционную гармонию древних построек – и новой.

Главный фасад, выходящий на Красную площадь, состоит из разновысоких объёмов, крылец, башенок квадратной и восьмигранной формы с шатровыми и стрельчатыми завершениями. Нарастающий кверху ритм объёмов сложен, скачкообразен, прерывист. Все элементы, играющие сколько-нибудь активную роль в художественной композиции фасада, расположены симметрично по отношению к его центральной оси. Мотивы средневекового русского «узорочья» в обработке фасадов и всего объёма здания – перекрытия, наличники окон, проёмы дверей, фризы, лопатки – заимствованы из сооружений XVII века. Здание, хорошо сочетаясь с окружающими постройками, не теряется, наоборот, оно подчёркнуто самостоятельно. Однако оно не противостоит окружению, но органично входит в окружающую среду, сливается с ней. Шервуд показал необыкновенное чувство меры и лаконизм замысла. Несмотря на богатый декор, здание не выглядит

перегруженным, за счёт использования в композиции «зеркальности» оно очень уравновешенно и гармонично.

Исторический музей своими размерами выявляет и подчёркивает пространственный размах Красной площади, более того, придаёт её архитектурному ансамблю необходимое равновесие. Использование в архитектуре этого здания форм старомосковских построек XVI и XVII веков позволило сохранить стилистическое единство площади. Хрупкие затейливые башенки музея перекликаются с завершениями кремлёвских башен, колокольней Казанского собора, а также с шатрами на Воскресенских воротах с Иверской часовней. Ворота эти были снесены в 1931 году, а собор – в 1936-м; восстановили же и то, и другое в 1990-х.

Мастер осмыслял здание Исторического музея как эстетический храм национальной истории. Поэтому краснокирпичный декор здания концентрировал стилистику Красной площади, да и старой, допетровской Москвы в целом.

Строительство музея длилось шесть лет – с 1875-го по 1881 год. А два года спустя для обозрения торжественно открылись первые 11 залов (экспозиция охватывала историю России до конца XII века). До 1917 года открылось ещё 5 залов (экспозиция была доведена до конца XVI века).

Оформление залов выполнялось по проектам крупных московских зодчих второй половины XIX столетия. А.П. Попов разрабатывал его для первых 11-ти залов. Отделка залов Новгорода и Пскова, Владимира, Суздаля, Ростова, Москвы – более сдержанная, осуществлённая позднее, – выполнена, помимо А.П. Попова, также Н.В. Никитиным и П.С. Бойцовым.

Архитектурный декор интерьеров сам играет роль огромного экспоната, помогает воспринимать предметы прошлого, погружая посетителя в атмосферу различных исторических эпох. Над

ним работали столь известные художники, как Ф.Г. Торопов, В.М. Васнецов, Г.И. Семирадский, И.К. Айвазовский.

С первых дней существования музей начал принимать щедрые подарки и пожертвования от государственных учреждений, общественных организаций, от людей разного звания и сословия. Московская городская Дума подарила ему Голицынскую и Чертковскую библиотеки с множеством уникальных рукописей. Достойную лепту внесли русские аристократы (Голицыны, Бобринские, Кропоткины, Оболенские, Масальские, Щербатовы, Уваровы), а также купцы-меценаты (Бахрушины, Бурылины, Грачёвы, Постниковы, Сапожниковы). Несколько сот тысяч художественных предметов старины подарил известный коллекционер П.И. Щукин. Многие московские купцы и фабриканты считали поддержку Исторического музея делом чести.

Позднее фонды музея расширялись благодаря экспедиционным находкам и закупкам. В советское время в музей были переданы коллекции из Государственного музейного фонда и расформированных музеев («Старая Москва», Румянцевский музей, Военно-исторический музей и др.)

В 1935 году по решению партии и правительства скульптурные изображения двуглавых орлов с башен Исторического музея сняли. Тогда же орлы исчезли со Спасской, Боровицкой, Троицкой и Никольской башен Кремля. Как известно, на их месте появились пятиконечные звёзды. Пятая звезда была установлена на Водовзводной башне. Первые звезды были изготовлены из нержавеющей стали и красной меди, а знаки серпа и молота на них – из уральских камней-самоцветов. Они украшали Кремль почти два года, но из-за атмосферных осадков самоцветы потускнели и потеряли свой праздничный вид. В мае 1937 года к двадцатилетию Октябрьской революции

было решено установить на пяти кремлевских башнях рубиновые звезды. Сейчас в прессе активно обсуждается вопрос о том, не пора ли вернуть орлов на исконное место.

С Историческим музеем подобных метаморфоз не произошло – в советское время его главки пустовали. Но в 1997 году были восстановлены позолоченные скульптурные украшения кровли здания: двуглавые орлы (такие же, какие были и на кремлёвских башнях), борющиеся львы и единороги. А когда реставрировалось основное здание ГИМ (1990-е годы), было восстановлено и отреставрировано около 5.000 квадратных метров монументальной живописи на сводах и оконных откосах экспозиционных залов, а также знаменитое панно «Генеалогическое древо великих князей и государей Российских» в Парадных сенях. Всё это было либо совершенно испорчено, либо страшно искажено в 1937-м, когда Москва готовилась праздновать 20-летие Октябрьской революции...

Замечательный историк искусства Евгения Ивановна Кириченко, знаток «русского стиля» в архитектуре, еще в 1984 году сказала об Историческом музее горькие, но правдивые слова: «Не без сожаления приходится констатировать, что в общественном сознании музей значительно реже, а если быть справедливым и откровенным, то почти никогда не связывают с представлением о памятнике истории и культуры второй половины XIX – начала XX века, времени, когда он был создан». Действительно, здание музея – один из драгоценных самоцветов в короне старой Москвы, блистательная реликвия эпохи процветания. Память его создателей достойна самого уважительного отношения. Исторический музей в Москве – не только центр отечественной науки и богатейшее хранилище исторических ценностей, но еще и прекрасный памятник «русского стиля».

Ирина Чижова

«Я В КУПЕЧЕСКОМ ЗВАНИИ РОДИЛСЯ, В НЕМ И УМРУ»: ВЕЛИКИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Русская душа издавна удивляла мир невиданной силой своей, удалью, тёплым светом доброты. Но как часто откуда-то из недр её, из тёмных омутов поднимались кровавый разгул, невежество, варварство. Что таят глубины её, какие испытания ждут народ с такою душой? Сегодня очень важно чаще вспоминать о светлых страницах нашей истории, уберечься от чёрствости и равнодушия.

Фёдор Иванович Шаляпин писал, что, объехав почти весь мир, он ни в одной стране не видел ничего подобного русской благотворительной деятельности конца XIX – начала XX веков. Долгие годы об этом интереснейшем явлении нашей истории, которым можно только гордиться, говорили мало. Сегодня все знают Третьякова, вспомнят Щукина, еще одну-две фамилии благотворителей и меценатов... Между тем, описание того, что было построено и сделано для людей дореволюционными предпринимателями, могло бы составить многотомную библиотеку.

Православие рассматривало накопительство как грех. Считалось, что человек может получить богатство, или украв, или по Божьей воле, а значит должен вернуть все

Богу благими делами. Богобоязненность, желание «очиститься» от греха, приводило к тому, что лучшие представители российской элиты жертвовали огромные суммы на благотворительность. Для кого-то это было модой, стремлением не отстать от других, демонстрацией своего благосостояния. Иногда в этом был и расчет, и важная жизненная необходимость. Ведь владельцы промышленных предприятий нуждались в высококвалифицированных кадрах, а, значит, должны были вкладывать деньги в развитие образования, открывать школы и училища. Умение сочетать успешную предпринимательскую деятельность с высокими эстетическими потребностями и духовными интересами – одна из особенностей многих выдающихся людей того времени.

Лучший пример – Павел Михайлович Третьяков. Прадед братьев Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых происходил из небогатого купеческого рода города Малый Ярославец. Он прибыл в Москву в 1774 году вместе с женой и сыновьями Захаром и Осипом. Захар, женившись, вскоре овдовел. С малыми детьми на руках он женился во второй раз. Вторая жена родила сына Михаила. Этот, последний, прожив всего 49 лет, оставил двух сыновей, Павла и Сергея, а также трёх дочерей.

В Голутвинском переулке сохранился дом, в котором поселился дед Павла Михайловича Третьякова, Захар, и где родился сам Павел Михайлович. Павел и Сергей получили хорошее домашнее образование. С детства их приучали к труду, сыновья работали в лавке наравне с другими служащими, даже мели полы. Отец считал, что каждая профессия почетна, если работать честно. После смерти отца сыновья продолжили его купеческое дело, потом вложили

деньги в производство. Им принадлежала Новая Костромская мануфактура льняных изделий. Дела шли успешно. Несколько предприятий Третьяковых в Костроме, перерабатывающих лен, стали крупнейшей мануфактурой в Европе. Но к числу самых богатых семей Третьяковы никогда не принадлежали. Возможно потому, что никогда и не стремились к этому. «Нехорошая вещь – деньги, вызывающая ненормальные отношения», – писал Павел Михайлович в одном из писем. Его знаменитые слова «...наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу» были смыслом всей его жизни. Он ценил деньги за то, что они давали ему возможность помогать очень многим людям. Вместе с братом он открыл в Москве училище для глухонемых и постоянно поддерживал его. Оказывал материальную помощь семьям солдат, погибших во время Крымской и Русско-турецкой 1878–1878 годов войн, семьям многих бедствующих художников. Но никогда не афишировал этого. Его рабочие трудились с 6 утра до 9 вечера. Он построил для них больницу, родильный дом, ясли, школу, дом престарелых. У него была репутация человека исключительной порядочности. Но он терпеть не мог похвал в свой адрес.

Брат Сергей был моложе его на два года. Это были братья-единомышленники, на протяжении всей жизни их связывала духовная близость и верная дружба. Сергей Михайлович занимался общественно-политической деятельностью. Был депутатом (тогда это называлось – гласный) Московской городской думы, участвовал в разработке многих законопроектов, избирался Московским городским головой (теперь это называется иноземным словом «мэр»). И тоже увлекался коллекционированием,

но собирал произведения французских художников, чьи работы ценились дороже отечественных. Коллекционировал он «для себя» и выставлял картины в своем особняке на Пречистенском бульваре, (д. 6) для знакомых или по «рекомендации». Этот особняк посещали многие знаменитости. Позднее он присоединил свою коллекцию к коллекции брата.

Павел Михайлович, в отличие от брата, посвятил жизнь великой цели – созданию русской национальной художественной галереи. Он начал свою деятельность с изучения книг по живописи, с посещений знаменитых музеев мира. Все это, а так же постоянное общение с художниками, развило его вкус. Павел Михайлович считал, что будущее – за русской школой. Особенно его заинтересовало совершенно новое явление – Товарищество передвижных выставок, организованное известными живописцами, и он стал приобретать лучшие их работы. Отбирал очень тщательно, понимая всю ответственность выбора. Художники мечтали о том, чтобы он купил их картины. На галерею Павел Михайлович истратил 1,5 миллиона рублей, его брат – 2 миллиона. Затем они подарили её городу, всем людям. С 1881 года она открыта для свободного посещения.

Многие бывали в театральном музее имени А.А. Бахрушина, имя это широко известно. Но о том, что все Бахрушины считались профессиональными благотворителями, известно, к сожалению, не всем. В начале XIX века приехал в Москву из города Зарайска купец, торговавший скотом, – Алексей Федорович Бахрушин. Свой первый завод в Москве он открыл в Кожевниках, недалеко от того места, где сейчас находится Павелецкий вокзал. Это было в 1834 году. В советское время Бахрушинский

завод назывался «Обувной комбинат имени Парижской коммуны». За короткое время Алексей Федорович создал процветающее кожевенно-обувное предприятие, оснастил его лучшими по тому времени станками и начал выделку тонких видов кож. За свои товары он награждался золотой и дважды серебряными медалями на Всероссийских промышленных выставках. Но после его смерти оказалось, что завод был заложен и обременен огромными долгами. Из восьми детей Алексея Федоровича стали знаменитыми три брата: Василий, Петр и Александр. Они, вместе со своей матерью, взяли на себя управление заводом, построили к нему суконно-ткацкую фабрику, возродили производство и значительно увеличили семейный капитал. Но семья миллионеров Бахрушиных жила скромно, отличаясь от многих других купеческих семей благочестием и высокой нравственностью. На их фабриках не было забастовок. Всероссийскую славу принесла этой семье благотворительная деятельность, на которую они истратили 3,5 миллиона рублей. На родине предков в Зарайске и в Москве они построили 18 храмов и более 100 гражданских зданий. При этом они высказывали только одно пожелание: все построенное ими должно носить их имя, чтобы потомки помнили о них. Доброе дело Бог оценит, да люди помянут... В Москве они выделили 450 тысяч рублей на строительство в Сокольниках огромной больницы для неизлечимых больных, которая сейчас называется Остроумовской. Доктор Остроумов был семейным врачом Бахрушиных. Было бы более справедливо называть её Бахрушинской. Лечили в ней бесплатно. В Сокольниках они построили также детский приют. Дети воспитывались там с 4-х летнего возраста, учились, работали и «выходили в люди», получив какую-то профессию.

На принадлежавшем Бахрушиным участку земли на Софийской набережной, в самом центре Москвы, появился «дом бесплатных квартир» для вдов с детьми и учащихся девушек (д. 26/1). Бахрушины потратили на него 1.257 тысяч рублей. Там жили около 2.000 человек. В народе его называли «вдовый дом». Удивительно, что своим внешним видом постройки Бахрушиных больше походили на дворцы богатей и никак не напоминали тем, для кого были предназначены, об их бедственном положении. В конце XIX века сын Александра Бахрушина, Алексей, приумножил славу семьи, открыв в своем доме театральный музей, считающийся крупнейшим в мире по объемам фондов. Будучи талантливым коммерсантом, он посвящал свободное время созданию этого музея. Подобно Третьяковым, он подарил свое творение Москве.

Есть в отечественной истории личности не столь известные, как братья Третьяковы или Бахрушины, но необычайно яркие, колоритные и, несомненно, достойные памяти потомков. Гаврил Гаврилович Солодовников. Это имя известно немногим. Богатейший предприниматель России – богаче Третьяковых, Морозовых и Рябушинских, вместе взятых. Одновременно – популярный герой анекдотов, известный всей стране необычайной скупостью. Но, как оказалось, смеялись над ним напрасно. Он завещал на благотворительность более 20 миллионов рублей. Такого ещё не видела Москва! Об этом писала мировая пресса. Где, кроме России, возможно такое? Но, приходя сегодня в Московский Театр оперетты, мы не знаем, что построен он купцом Солодовниковым, приходя в Консерваторию, мы не знаем, что он пожертвовал на её строительство 200 тысяч рублей. И клиника венерических и кожных болезней при 1-ом Московском

мединституте – тоже его дар. Выходец из купеческой семьи города Серпухова, Гаврил Солодовников работал в лавках отца мальчиком на побегушках и помощником приказчика. Не имея возможности учиться, он не умел правильно писать. Сразу после смерти отца он перебрался в Москву и со своей долей наследства занялся торговлей мануфактурным товаром. А к 40-м годам стал мультимиллионером, владел в Москве крупным универсальным магазином «Пассаж Солодовникова», который располагался на месте нынешнего ЦУМа и не сохранился, поскольку в 1941 году его разрушила бомба. Товар там был высокого качества и продавался по твердым ценам. Будучи талантливым предпринимателем, крупным акционером Общества Московско-Казанской железной дороги, акционером нескольких банков, Солодовников жил в бедном домишке на 20 копеек в день, на рынке мог стащить у разносчика яблоко. Над ним смеялись все. Он не мог защитить честь и достоинство, поскольку они признавались дворянской привилегией, а Солодовников был купцом. Ради получения дворянского звания он пожертвовал деньги на строительство клиники венерических болезней. По обычаю, она должна была носить имя жертвователя, а Солодовникова это никак не устраивало. Он выделил деньги в обмен на отказ от этой почести и получил звание дворянина. Жертвовал Гаврил Гаврилович большие суммы и на Варваринский детский приют для девочек-сирот.

Но настоящая слава пришла к Солодовникову после смерти, благодаря небывалому завещанию. Из завещанных им на благотворительность 20 миллионов треть он распорядился истратить на устройство в Тверской, Архангельской, Вологодской и Вятской губерниях земских женских училищ. Треть – на строительство в тех же губерниях мужских

и женских профессиональных школ, а на своей родине в городе Серпухове – на строительство родильного дома. Третью – на строительство в Москве домов бесплатных квартир. Городские бедняки жили в грязных и сырых трущобах. Между тем, «...большинство этой бедноты составляет рабочий класс, живущий своим честным трудом и имеющий неотъемлемое право на ограждение от несправедливости судьбы», – так писал Солодовников в своем завещании.

В 1904 году началось строительство домов бесплатных квартир для одиноких и семейных на 2-ой Мещанской улице (сейчас улица Гиляровского, д. 61–65). Дома сохранились до наших дней. Они облицованы мрамором, в них имелись лифты, общая кухня, библиотека, ясли, прачечная. Жили там представители многих сословий, только рабочих среди них почти не оказалось.

Многочисленные фотографии, снимающие современную Москву цифровыми камерами, вряд ли знают о своём удивительном предшественнике, о первом фотографе-москвоведe Николае Александровиче Найдёнове. Всеми уважаемый, известный банкир и промышленник, будучи уже не молодым человеком, он лазил по крышам с допотопной фототехникой и, рискуя свалиться оттуда, снимал любимый город. Этот яркий и многогранный человек, ныне, к сожалению, почти забытый, собрав уникальный материал о Москве, передал потомкам ценнейший дар. Современники знали его более как общественного деятеля.

Происходили Найдёновы из крепостных и были переведены хозяином в 1765 году из Суздальского уезда в Москву для работы на его шелкоткацком производстве. Потом сами стали торговать, а к началу XIX века владели предприятием, выпускавшим шали. После отмены крепостного права

сложились благоприятные условия для развития промышленности. Бывшие крепостные пополняли ряды рабочих на городских предприятиях. Другие, самые сообразительные и расторопные, создавали собственные предприятия. Те из них, кого хозяева отпускали на заработки, имели к тому времени собственный капитал. Для недавно созданных предприятий требовались немалые средства. Получить их можно было только в банках. Всё это привело к бурному развитию частной банковской системы, которой в России прежде почти не было. В 1871 году Николай Александрович Найдёнов, родившийся в 1834 году в разбогатевшей купеческой семье, основал Московский торговый банк. Банк этот получил репутацию одного из самых надёжных, а его владелец приобрёл немало промышленных предприятий.

Долгое время Николай Александрович возглавлял Московский Биржевой комитет, влиятельнейшую организацию московских купцов и предпринимателей. Эта должность давала Найденову возможность содействовать развитию отечественной промышленности, и заслуги его в этом получили всеобщее признание. Все его общественные нагрузки трудно перечислить. Вот лишь некоторые из них: гласный (депутат) московской городской Думы, почётный мировой судья, член совета по учебным делам при Министерстве финансов, член главного совета по фабричным и горнозаводским делам... За особые заслуги император пожаловал ему в 1901 году орден Белого Орла, дававший право на потомственное дворянство. Но, принимая орден, от дворянства он отказался: «Я в купеческом звании родился, в нём и умру».

Потомкам известна другая сторона его многогранной личности. За свой счёт он выпустил 14 роскошных альбомов

с 680 фотографиями московских церквей, самых интересных зданий, улиц, площадей, торговых рядов. Благодаря этим альбомам известно, как выглядела Москва 100 лет назад. В них запечатлён облик утраченных и разрушенных храмов. Николай Александрович написал более 80 книг по истории Москвы и московского купечества, с малоизвестными картами и гравюрами. Им были собраны, переведены и напечатаны описания Москвы, взятые из трудов иностранцев, посещавших ее в XVI–XVIII веках. И хотя Найденов был купцом, а не профессиональным историком, ему удалось сконцентрировать исторический материал необычайной ценности. В этом труде не было коммерческого расчёта: им руководила беззаветная любовь к родному городу, его истории, традициям, неспешному укладу московской жизни.

Торгово-промышленная элита дореволюционной России, происходившая в основном из купеческого сословия, была глубоко религиозной. Деньги, нажитые трудом многих поколений, воспринимались лучшими её представителями как средство служения интересам родной страны. Сколь далеко всё это от дня сегодняшнего, когда мнимая религиозность бизнесмена демонстрируется народу стоянием в церкви по большим праздникам со свечой в руке, а деньги, нажитые любым, даже криминальным путем, считаются главной заслугой перед Богом и людьми.

Можно ли представить, что в центре Москвы на средства кого-то из известных всей стране богачей строится не торговый и не бизнес-центр, а... сиротский дом, или дом бесплатных квартир для бомжей, для бедных вдов с детьми? Много ли можно назвать промышленных предприятий, больниц, театров, школ, построенных на средства современного

купечества? Таких фактов – ничтожное количество. Зато привычным делом стало другое: нынешние предприниматели вкладывают деньги в эксплуатацию природных богатств России, вывозят деньги за рубеж – и это принимается, как должное. А как Бог рассудит, и чем люди помянут, волнуется их меньше всего. Не на картинные галереи жертвуют они деньги, а множатся по всей стране «рублевки». Понижение художественного уровня произведений искусства приводит к снижению культурных запросов общества.

Где вы, нынешние Третьяковы и Бахрушины, неужели обнищала духом русская земля?

Вера Туева

«КАК Я МОГУ ЭТО СОВМЕСТИТЬ СО СВОЕЙ СОВЕСТЬЮ?..» ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ ЕВГЕНИЯ БОТКИНА

«Когда я вас слушаю, мне кажется, что я вижу
в глубине старого колодца чистую воду».

*Великая Княжна Ольга Николаевна –
доктору Евгению Сергеевичу Боткину*

Евгений Сергеевич Боткин родился 27 мая/9 июня 1865 года в Царском Селе в семье знаменитого врача, основоположника русской клинической школы Сергея Петровича Боткина и его супруги Анастасии Александровны. Тёплая, сердечная атмосфера дома, поддерживаемая матерью, сочеталась со строгим трудовым укладом, заведённым отцом. Дети с ранних лет много учились, готовясь к поступлению сразу в старшие классы гимназии. Особенной религиозностью, насколько можно судить по оставшимся воспоминаниям, семья не отличалась. Зато особую атмосферу дома составляла любовь к высокому искусству. Сергей Петрович регулярно устраивал у себя так называемые «боткинские субботы», куда приглашались выдающиеся поэты, музыканты, художники. Дружеские отношения связывали хозяина с И.С. Тургеневым, Н.А. Некрасовым, М.Е. Салтыковым-Щедриным,

А.И. Герценом. Постоянно присутствуя на этих вечерах, дети приобщались к лучшим произведениям в первоклассном исполнении, выпитывали всё, чем жил признанный цвет русской интеллигенции.

Матушка скончалась, когда Евгению было всего 10 лет. Отец женился вторично, многое в доме изменилось. Но образованию детей по-прежнему уделялось большое внимание, и Евгений поступает сразу в 5-й класс гимназии, а по её окончании – на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Там он проучился год. В 1889-ом он закончит «третьим по старшинству баллов в своём курсе» Императорскую Военно-Медицинскую Академию и будет определён... «ассистентом-интерном в Мариинскую больницу для бедных Ведомства Императрицы Марии». Невеликая должность для образованного и талантливого молодого врача, но таково было его собственное решение. «Он никогда не позволял себе пользоваться именем своего отца, – объясняет этот выбор дочь Евгения Сергеевича, Татьяна Евгеньевна. – ...Чрезвычайно скромный, он хотел свой успех заработать сам». Через год Евгений Боткин назначается сверхштатным врачом той же больницы, проходит стажировку в Гейдельбергском университете. А ещё спустя год, в 1892-м, он потеряет своего первенца, полугодовалого сына Сергея, и эта трагедия навсегда перевернёт его мировоззрение, до тех пор индифферентное в вопросах веры.

Много лет спустя, в последнем письме брату Александру от 26 июня/9 июля 1918 года из Екатеринбурга, предчувствуя конец жизни и осмысляя её, доктор напишет: «Когда мы ещё... были... курсом... дружным, исповедовавшим и развивавшим те принципы, с которыми мы вступили в жизнь, мы большею частью не рассматривали их с религиозной точки

зрения, да и не знаю, много ли среди нас и было религиозных. Но всякий кодекс принципов есть уже религия, и нам, у кого, вероятно, сознательно, и у кого и бессознательно, – как, в частности, это было у меня, т.к. это была пора не то чтобы форменного атеизма, а полного в этом смысле индифферентизма, – так близко подходит к христианству, что полное обращение наше к нему, или хоть многих из нас, стало совсем естественным переходом. Вообще, если «вера без дел мертва есть», то «дела» без веры могут существовать и, если кому из нас к делам присоединилась и вера, то это лишь по особой к нему милости Божьей. Одним из таких счастливых, путем тяжкого испытания – потери моего первенца, полугодовалого сыночка Серёжи, – оказался и я. С тех пор мой кодекс значительно расширился и определился, и в каждом деле я заботился не только о “Курсовом”, но “Господнем”».

Сознательно став на путь веры, Евгений Сергеевич и своё профессиональное служение старался освятить глубоко христианским духом. Об этом свидетельствуют, в частности, его лекции студентам Военно-медицинской академии, которые он читал с 1897 года. Часто говорил лектор о «высокой степени человеческого отношения к больным, которым отличается русский врач», о важности искреннего внимания к пациенту, приобретения его доверия, поддержания бодрости его духа и, главное, любви к нему. «У вас ещё непочатый край этого чувства, – обращался он к студентам, – так не скупитесь же им, приучайтесь широкой рукой давать его тому, кому оно нужно, кому оно по праву принадлежит, и пойдёте все с любовью к больному человеку, чтоб вместе учиться, как быть ему полезным».

Тем же подлинно христианским духом проникнута его уникальная книга «Свет и тени Русско-японской войны

1904–1905 гг.: из писем к жене», увидевшая свет в 1908 году. С ярким талантом описывает автор повседневную жизнь военного врача, за которой встаёт эпическая картина страдающего, но великого и чистого духом русского воинства. Однако главным открытием книги является, пожалуй, личность самого доктора Боткина – обезоруживающе искреннего, смелого, доброго, честного, преданного христианскому долгу. Неудивительно поэтому, что императрица Александра Федоровна, ознакомившись с изданием, выразила желание пригласить именно этого врача лейб-медиком Его Величества.

Новое назначение существенно меняло привычное течение жизни. Евгений Сергеевич получил звание генерала, был включен в Царскую свиту и обязывался отныне ежедневно исследовать состояние здоровья высоких пациентов. «Мой отец, – вспоминает Татьяна Евгеньевна Мельник-Боткина, – начинал свою службу рано, в девять часов утра, с визита в Александровский дворец, где его принимала Царица в своих покоях... Александра Федоровна страдала значительным нарушением сердечной деятельности. После осмотра он составлял ей режим дня и практически запретил всякую физическую нагрузку. Второй раз он навещал её вечером перед ужином, около шести часов. Если он был недоволен её состоянием, он требовал, чтобы она оставалась в своих покоях, и иногда даже запрещал ей ужинать. После утреннего визита к Царице он шел к Царским детям... подольше задерживался у Царевича, гемофилия которого требовала постоянного внимания... Сразу после обеда отец отправлялся в Санкт-Петербург в Общество Красного Креста. К нашему большому сожалению, он был очень занятым человеком. Кроме как за ужином, мы редко с ним виделись, и даже эта

редкая радость нарушалась частыми путешествиями, в которых он должен был участвовать с Царской Семьей».

Частые путешествия с Царской Семьей, которую доктор искренне полюбил и которой был рыцарски предан, послужили косвенной причиной крушения его собственной семьи в 1910 году. Его жена Ольга Владимировна так и не смирилась с постоянной занятостью и отсутствием мужа, с тем, что его внимание и забота больше не принадлежали всецело ей. Надеясь обрести полноту счастья с молодым студентом, учителем старших сыновей в семье Боткиных, она уехала из дома. Все четверо детей – Дмитрий (родился в 1894 году), Юрий (1896), Татьяна (1898) и Глеб (1900) – приняли решение остаться с отцом. «Я не предполагала, – напишет в воспоминаниях дочь, Татьяна Евгеньевна, – что эта драма была первой и самой лёгкой из всех, которые постигнут нашу семью и разрушат нашу страну. К счастью, мы были прочно защищены любовью отца». Доктор Боткин действительно сумел стать детям и отцом, и матерью. «Ах, детки, детки, детки, мои милые, ненаглядные, дорогие, золотые, неоцененные детки!», – начинал он письма домой. Доктор входил во все подробности их жизни, находил время для внимательного общения с каждым. Его письма наполнены вопросами и размышлениями о событиях прожитого детьми дня, об их товарищах, интересах, трудных уроках, поведении, позже – о браке и целомудрии, о промысле Божиим и, конечно, умилительными рассказами о царской семье. «Они по-прежнему все очаровательны, хотя все очень выросли и отношение их ко всем стало более взрослым, я бы сказал, ещё более сердечным, потому что более глубоким, – писал он о царских детях в 1911 году. – Я никогда не забуду их тонкое, совсем не показное, но такое чуткое отношение

к моему горю, когда я был так встревожен Танюшкиным тифом... О родителях я и не говорю: моя любовь к ним и преданность безграничны...»

После развода, всю вину в котором Евгений Сергеевич взял на себя, он просил отставки при дворе, считая своё положение несовместимым с должностью. Однако император и императрица отставку не приняли и продолжали дарить доктора своим доверием. Евгений Сергеевич, как свидетельствуют его письма, не считал себя достойным этого сердечного внимания и делал всё возможное, чтобы достойно исполнять свой долг. Он выдерживал нападки и обвинения придворных, считавших, что он чрезмерно оберегает императрицу от сердечных нагрузок (из-за чего они лишались балов и светских развлечений). Он был сдержан с любопытствующими, не считал возможным говорить ни о недугах, ни о лечении монаршей семьи. Когда заболел наследник, доктор не только посвящал страдальцу всё время, но и своих детей призывал молиться «ежедневно, горячо» за «нашего ненаглядного Алексея Николаевича». Он боготворил эту семью. «Своей добротой они сделали меня рабом своим до конца дней моих», – писал он домашним.

Тяжелым ударом стала для доктора гибель на фронте старшего сына Дмитрия в декабре 1914 года. Дмитрий пал героем, до конца выполнив свой долг перед родиной и государем. Доктор гордился сыном, но горе, усугублявшееся безумным метанием русского общества, личное недовольство влиянием Распутина, которого Боткин никогда не принимал, – всё это угнетало его. Об этом свидетельствуют письма императрицы. «Я многое рассказала Боткину, чтобы заставить его кое-что понять, так как он не всегда таков, каким я бы хотела его видеть... – пишет она императору 30 августа 1915 года – мне

удалось ему объяснить многое, что он не вполне понимал. Я говорю вовсю, – необходимо всех встряхнуть и показать, как им следует думать и поступать». Другое письмо, от 4 сентября 1915 года: «...Сегодня с утра снова говорила с Боткиным. Это ему на пользу, помогает мыслям его выбраться на правый путь... Приходится быть лекарством для смущённых умов, подвергшихся влиянию городских микробов...»

Когда монархия пала, государь и его близкие лишились свободы, и выполнение врачебного долга Боткина стало смертельно опасным, он не колебался ни минуты. «Папа решительно сообщил нам, что для него покинуть Царя и Царицу совершенно невысказано. Он будет делить с ними их судьбу пленников», – вспоминала дочь Татьяна Евгеньевна. Боткин остался с арестованной Императорской семьёй в Александровском дворце, затем добровольно последовал с ними в Тобольск и Екатеринбург. Насколько это было в его силах, доктор помогал пленникам: передавал комиссарам их просьбы, требовал оказания своевременной медицинской помощи больному цесаревичу, преподавал наследнику русский язык. Своих собственных детей Евгений Сергеевич с глубокой верой предал Промыслу Божию, сознавая, что в этой жизни их больше не увидит.

В июле 1918 года революционный штаб предложил врачу свободу, пояснив: «Будущее Романовых выглядит несколько мрачно». Евгений Сергеевич ответил так: «Мне кажется, что я вас правильно понял, господа. Но, видите ли, я дал царю мое честное слово оставаться при нем до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения невозможно не сдерживать такого слова. Я также не могу оставить наследника одного. Как я могу это совместить со своей совестью? Вы все же должны это понять... Меня радует, что еще есть люди,

которые озабочены моей личной судьбой... Я благодарю вас, господа, но я остаюсь с царем!»

Ночью с 16 на 17 июля 1918 года в Ипатьевском доме в Екатеринбурге доктор Евгений Сергеевич Боткин принял мученическую кончину вместе с царской семьёй. Решением Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей мученик Евгений причислен к лику святых 1 ноября 1981 года.

Константин Плотников

ДЕРЕВЯННЫЕ ХРАМЫ МОСКВЫ

Встретить в городе многоэтажных бетонных коробок деревянный храм – почти чудо. На древней земле Москвы традиционные церкви, возведенные в дереве, кажутся естественными, будто они всегда находились здесь. Но это – иллюзия. Подавляющее большинство деревянных церквей в нашей столице сооружены на протяжении последних двадцати лет.

Духовное возрождение конца 1980-х – начала 1990-х годов дало толчок церковному строительству. Вот и начали выплывать из небытия традиции деревянного народного зодчества.

Когда-то оно было одним из «китов», на которых стояла древнерусская культура. И размах его, и широчайшее распространение – от Смоленщины до Дальнего Востока, – и уникальность художественных решений не знают аналогов в мировой архитектурной практике. Угасать оно начало в первой половине XIX века. Но традиции его сохранились и даже вызвали интерес у профессиональных архитекторов. «Народные мотивы», заимствованные главным образом из крестьянского прикладного искусства, широко использовались в деревянных постройках русского стиля, а затем и в каменных.

Так, прекрасным примером гражданской деревянной архитектуры в Москве является «Погодинская изба», построенная Н.В. Никитиным в 1856 году. Творчески переработав древнерусские традиции, мотивы старинного зодчества на рубеже XIX и XX веков применяли Ф.О. Шехтель, В.М. Васнецов, А.В. Щусев, В.А. Покровский – создатели возрожденного русского стиля. Наиболее выдающиеся произведения этого направления имеют яркую национально-романтическую окраску. Среди деревянных построек более всего известны работы: архитектора Ф.О. Шехтеля (русский павильон на выставке в Глазго, 1901), художника В.М. Васнецова (избушка «на курьих ножках» в Абрамцево, 1883, а также собственный дом в Москве, 1893–1894), художника С.В. Малютина («Теремок» на хуторе Флёново, 1900-е).

В целом деревянные постройки русского (или «неорусского») стиля выглядят как смелая живая интерпретация древнего деревянного зодчества. С одной стороны, в них чувствуется пафос преобразования жизни искусством, связанный с параллельным развитием стиля модерн. С другой стороны, очевидны яркие и свежие впечатления, произведенные открытием деревянного зодчества Севера.

В советское время исследователи и реставраторы пристально изучали архитектуру деревянных культовых сооружений, однако о строительстве новых церквей не могло быть и речи. В последние два десятилетия ситуация изменилась. Поднялась новая волна церковного строительства. Новые деревянные церкви возводятся в городах и на селе по всей России. Не миновало это поветрие и Москву.

До недавнего времени в столице была только одна деревянная церковь – Никольский храм в Бирюлево,

выстроенный заново на месте сгоревшего в 1957 году. Уникальный случай: в хрущевское время, к Церкви очень неблагоприятное, восстанавливают православный храм! Зато в начале 90-х деревянные церкви и часовни начали закладываться во множестве. Очень важная постройка – часовня иконы Богородицы Державной (1994–1995) на Пречистенской набережной около Храма Христа Спасителя. Возведенная в самом центре Москвы, в очень престижном месте, она тем самым указывает на официальное «признание» подобного строительства... Но истинный размах оно приобрело ко второй половине 90-х. В Москве оно охватывает преимущественно периферийные районы, где мало «исторических» церквей.

В архитектуре современных деревянных церквей можно выделить несколько направлений. Первое из них выросло из простой и понятной задачи: возводить относительно недорогие, практичные постройки. И примеров таких церквей особенно много в Подмосковье. Здесь использование дерева как строительного материала вызвано в первую очередь экономическими, а не эстетическими соображениями. Это заметно в диссонирующем сочетании бревенчатых стен с современными строительными материалами.

Однако современному деревянному храмостроительству Москвы всё же в большей степени свойственна не экономия на всём, а открытое, намеренное обращение к традициям. Это совсем другое направление в деревянном строительстве, иной взгляд. «Традиционность» в таких постройках выражается практически во всем – от компоновки основных объемов до устройства деталей. Современные материалы подчеркнута игнорируются. Здания покрываются деревянными кровлями, поверхность стен остается ничем не обработанной – в своем

естественном состоянии. Современные деревянные церкви похожи на постройки конца XIX – начала XX века. Нередко можно услышать мнение, что нынешняя культовая архитектура продолжает свое развитие, остановленное в 1917 году, и возникающие сегодня трудности – следствие большого перерыва. Возразить можно только одно: в советское время деревянное зодчество всё же оставалось объектом пристального внимания исследователей и реставраторов, среди которых особенно выделяются сотрудники Петрозаводского университета.

Итак, утилитарно-практическое направление преобладает за МКАД. В Москве же с середины 90-х приоритет прочно утвердился за «традиционными» постройками. Порой постройки утилитарно-практического направления, просуществовав несколько лет, идут на снос – для строительства на том же месте новых каменных церквей. Не исключено, что со временем та же участь постигнет «традиционные» церкви. Это характерно для храмового строительства, особенно в городе, где приходы стремятся получить более долговечные капитальные каменные здания вместо деревянных.

Деревянные, выдержанные в старинных традициях храмы далеко не всегда соответствуют той среде, где их размещают. Включение традиционных деревянных церквей в современную городскую ткань требует тщательно продуманных решений. Так, при подборе участка и проектировании деревянного культового здания в районах с современной застройкой возникает задача создать новую градостроительную доминанту (или акцент) и, что очень важно, обеспечить ее нормальное зрительное восприятие. Иначе говоря, если деревянный храм, словно вышедший

из допетровской старины, будет стиснут со всех сторон бетонными коробками, то он просто «потеряется», останется «незамеченным». Для церквей, размещаемых в пригородах или сельской местности, этот вопрос стоит не столь остро, а в некоторых ситуациях отсутствует вообще.

Архитекторы наших дней стремятся находить новые, оригинальные решения, сочетающие дух старины и веяния современности. Традиционные детали – простые, рациональные, лишённые декоративной надуманности, выглядят удивительно современно. Когда они используются в их «классической чистоте» это выглядит намного органичнее, чем разного рода «сказочные» выдумки. К тому же, здания, выстроенные из дерева в традиционных формах, сами по себе красивы, привлекают внимание, вызывают положительные эмоции. Поэтому, видимо, строительство деревянных церквей в традиционных формах и материалах сегодня очень популярно.

В наши дни деревянный храм посреди мегаполиса – не новаторство и не копирование хорошо известных образцов. Скорее, таков начальный этап, база, на которой в будущем христианские ценности станут находить новые формы выражения в архитектуре.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Казаков.</i> Небесное и земное. Преподобный Иосиф Волоцкий и правители Руси	3
<i>Дмитрий Володихин.</i> Кто был основателем Донского монастыря?	13
<i>Екатерина Зайцева.</i> Кладовая русской истории: некрополь Донского монастыря	17
<i>Ирина Кошелева.</i> «Я без денег жить не могу»: о долгах и доходах Пушкина	28
<i>Христина Рустанович.</i> Князь В.Ф. Одоевский – благодетель: от идеализма к прекрасноту	39
<i>Анастасия Богомазова.</i> В поисках прекрасного: Фёдор Иванович Буслаев	47
<i>Михаил Тренихин.</i> Храм национальной истории	55
<i>Ирина Чижова.</i> «Я в купеческом звании родился, в нем и умру»: великие благодетели дореволюционной России	62
<i>Вера Туева.</i> «Как я могу это совместить со своей совестью?...» Жизнь и служение Евгения Боткина	73
<i>Константин Плотников.</i> Деревянные храмы Москвы	81